

МАРИНА ФЕТТЕР

НА БЕРЕГАХ
ОЗЕРА ЭЛЬ-ЯВР

Марина Феттер

Озеро Эль-явр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18961953

Аннотация

Меняется мир – меняемся мы. Но есть миры, созданные нашим воображением. Один из них – мир озера Эль-явр. В нем живут люди и животные, они понимают друг друга. Река превращается в водопад, а над ним парят уставшие от собственного зла женщины, которые стали ведьмами. В воде водопада они надеются вновь родиться чистыми и счастливыми. Иногда это удается. Так случилось со Снежной ведьмой. Правила жизни в мире озера Эль-явр просты и лучше других их знает непризнанный смотритель озера – боевой кот Берсерк. Он, разумеется, очень древнее создание, прошел военную службу в двух дружинах викингов. Но викингов давно нет, а Берсерк полон мощи и весьма плодовит. Для котов это очень важно. Но меняется все на свете. И в мир озера Эль-явр пришли люди из нашего простого и скучного мира. Они не были знакомы друг с другом, у них были разные цели, но каждый искал свой смысл жизни. Нашли они его или нет, я не знаю. Даже старый шкипер Оле Мортенлин, сын почтенного Бьорна Магнуса Таденлика не знает этого. Он просто помогает людям взобраться на скалу над фьордом и заглянуть в Зеркало Истины. А что увидит в нем человек, ищущий смысл своей жизни, нам не важно. Люди ищут истоки рек. Ищут врагов и разоблачают

их козни. Страдают от своих неудач, горестей и томления духа. На это уходят годы и энергия души. Если ты устала, сестра, возьми в руки мою книжку. Если ты разгневан, брат, возьми в руки мою книжку. Суровые и серьезные, загадочные, смешные и глупые жители берегов озера Эль-явр встретят тебя и разрешат пожить три дня в доме под оранжевой черепичной крышей. Перед тобой, брат, боевой кот Берсерк будет хвалиться своими любовными подвигами и жаловаться на Оле Мортенлина, официального зрителя округа Эль-явр. А тебе, сестра, Йотта-хромоножка предскажет будущие дни радости и подарит духи из чародейской травы Фригг. И ты улыбнешься, сестра! И ты улыбнешься, брат!

Марина Феттер

На берегах озера Эль-явр

Мистическая история

«Один мой знакомый журналист, живущий в наших прохладных краях, сказал, что не верит в эту историю, и я просто всё выдумала. Другой знакомый, политолог и аналитик, который работает одновременно в трёх мировых информационных агентствах, прочитал и желчно заметил, что я не следовала канонам мистицизма и сведущие в эзотерике люди мне не поверят. Третий знакомый, простой армянский волшебник из Еревана, достал из кармана волшебную палочку, заварил пол-литра крепчайшего чая и сотворил себе допуск в зону Фронтيرا на берега озера Эль-явр. А что, волшебники тоже любопытны и им необходимо расширять собственный кругозор. Вернулся он через три часа или через три месяца и сказал только три слова: Это надо опубликовать! ...»

Редактор – Гликерия Матаева

Корректор – Нелли Одегова

Художник обложки – Янина Гриневич

Макет – Гунарс Руткис

© Марина Феттер, 2014, текст

© Янина Гриневич, 2014, художник обложки

ISBN 978-9934-14-083-9

Рига 2014

Оглавление

Глава 1 Сон Хильды	5	
Глава 2 Снежная ведьма	9	
Глава 3 Профессор Артур Вильфранд		15
Глава 4 Водопад в небе	19	
Глава 5 Колдовские артефакты	27	
Глава 6 Кто такие Смотрители	35	
Глава 7 Дорога к озеру Эль-явр	43	
Глава 8 Боевой кот викингов	51	
Глава 9 Йотта-хромоножка и фру Удсен		59
Глава 10 В доме тролля Трумпа на Проклятом болоте		
63		
Глава 11 Троль Трумп и Хильда		69
Глава 12 Хильда знакомится с Берсерком		75
Глава 13 Оле Мортенлин пришел к Хильде знакомить-		
ся	81	
Глава 14 Зеркало Истины		91
Глава 15 Забэл	101	
Глава 16 Фру Йотта Свамменхевен показывает		
свою великую мощь	115	
Глава 17 Сила рук Забэл	127	
Глава 18 День, когда упала сосна		133

Глава 1

Сон Хильды

Взлет был быстрым и неожиданным. Крыло ветра мягко ударило по лицу и плечам, а руки распахнулись ему навстречу. Внизу было озеро. Хильда парила над ним, сопротивлялась всем телом, чтобы удержать себя в потоке воздуха – вода притягивала. Страшно не было. Время от времени она слышала чужой голос – низкий, с хрипотцой и неуловимо непривычными интонациями.

– Не напрягай руки, освободи спину, не бойся воды, ты не упадешь... А теперь перевернись. Да, да, через голову. Помнишь, как на пляже, в детстве? Умница. И представь, что ты ласточка с длинными крыльями. Вверх, Хильда, вверх... Быстрее, быстрее... А теперь крепко прижми крылья к спине и падай, свободно и весело...

Повиноваться его приказам было радостно; и всякий раз Хильду охватывало изумление и восхищение красотой и необычностью этого места. Ближние горы, обнимающие озерный мир, – зеленые, поросшие густым хвойным лесом, и дальние – со снежными вершинами.

– А теперь посмотри вниз, на берег озера. Просто поверни голову, а руки сами раздвинут воздух. Взгляни на скалистый обрыв и запомни кривую сосну.

Хильда ловко и мягко развернулась и засмеялась. Дом внизу был такой смешной. Толстая крыша из зеленого дерна. Трава на ней, как на весеннем лугу. И даже по углам крыши четыре крепенькие сосенки-малолетки. Как сторожевые башни. Оконные рамы окрашены в зеленый цвет, а в них видны желто-оранжевые занавески. Маленькое крыльцо, три ступени и от них крутая тропинка вниз, на берег озера.

А сосна на скале действительно кривая. Наклоненный в сторону озера ствол и параллельно скале три толстых изгибистых ветви. Искореженные, нервные, покрытые бледно-зеленым лишайником. Хвоя на концах веток торчит истрепанным посудным ершиком. Древняя дряхлость, скудость лохмотьев изношенной жизни. Корни вцепились в базальт небольшого скального выступа, на котором безмерно давно укоренилось сосновое семечко и стало жить свою жизнь дерева. И жизнь удалась!

И пусть восточный ветер искривил ствол. Это не мешало толстым шишкам каждый год созревать на ветках, а потом падать вниз. И со временем под скалой, на настоящей почве прибрежной террасы выросла сосновая роща. Каждое дерево было ребенком того первого семечка, которое ветер Судьбы занес на скальный уступ.

Хильда улыбнулась своим мыслям, раскинула руки еще шире, вытянулась всем телом в теплом воздушном потоке и вдруг поняла, что вода озера не притягивает ее и не нужно напрягаться, чтобы не упасть.

Теперь достаточно просто подумать – вот туда хочу... – и она оказывалась именно над тем местом, которое поймало ее любопытство. В какой-то момент Хильда увидела на бирюзовой зеркальной поверхности воды собственное отражение. Она расхохоталась, потому что выглядела точь-в-точь как тряпичная кукла с прямыми ровненькими руками и ногами и буйной рыжей шевелюрой.

Странный шум нарастал и напомнил о падающей воде. Хильда гибко развернулась и увидела над дальним берегом две высоких скалы с плоскими вершинами, а между ними мощный перелив водопада. Освобожденная из тесного русла река не скрывала своей ярости и торжества достижения цели. Под скалами ее встречали базальтовые защитники и хранители хрупкого зеленого мира озера – древние валуны. Они вбирали ярость воды и создавали из нее радужную искристую переменчивость.

Мир был насыщен красками и запахами. Хильда чувствовала даже брызги, острые, как льдинки. Она летала над озером, водопадом, горами. Наслаждение и полное счастье.

В тот миг, когда плотный шум водопада прочертила молния крика, Хильда проснулась и, откинув одеяло, села в постели. Сильно взлохматив волосы, она потрясла головой и огляделась.

Осеннее грустное солнце застенчиво заглядывало в комнату. Через неплотно закрытую дверь лоджии пробрались последние струйки холодного ночного ветра и лизнули ее бо-

ые ноги. А перед глазами еще искрилась вода озера, шумел водопад, и длился странный тревожащий крик.

Она быстро вскочила, распахнула дверь на лоджию и подошла к большому открытому окну. Сиял золотом сентябрь, дети в ярких куртках несли в руках желтые, оранжевые и карминно-красные хризантемы.

На крыше школы сидела громоздкая, неуклюжая чайка странной окраски – одно крыло белое, другое угольно-черное. Она вдруг раскрыла клюв, развернула крылья и пронзительно крикнула. «Вот и понятно, что я слышала», – улыбнулась Хильда, и начался обычный день ее молодой и упругой жизни.

Глава 2

Снежная ведьма

Всё было как обычно. Две лекции, семинар по статистике, кофе с творожником и мороженое в перерыве. А потом пан Марек, друг Хильды, наконец, вытащил ее на выставку в Художественном музее.

Приехали молодые художники из Греции, Италии и Англии. Уже неделю о них говорит весь город, и в интернете полно отзывов, а Хильда и Марек никак не могли договориться, когда же лучше туда пойти: утром, вместо первой лекции, или после всех занятий, перед закрытием выставки. И вот сегодня пан Марек решительно взял Хильду за руку и, не говоря ни слова, повел через парк к помпезному зданию музея.

Наверное, художники были талантливы, картины вызывающе авангардны, а посетители равнодушны или восторжены – ничего этого Хильда не заметила. Ее глаза поймали в дальнем углу полотно со смутно знакомым пейзажем, и она, ничего не видя вокруг, почти побежала.

Перед картиной стояли три человека и тихо разговаривали с художником. Он был очень молод, невысок, худ, даже костляв, с угольно-черным ежиком волос на голове и густой тенью вечерней небритости на щеках. Его медленный плохой английский, выразительные жесты, черные печальные глаза и смуглость лучше всякого паспорта сообщали всем желающим, что перед ними житель провинциального Средиземноморья. Так и оказалось. Родом он был из Греции, с острова Патмос, и звали его Лукас. Он приехал в Ригу учиться в Художественной академии по европейской программе студенческого обмена.

Всё это Хильда и Марек узнали потом, когда сидели с ним в маленьком открытом кафе в парке около Кафедрального собора.

Но в тот первый миг узнавания Хильда даже вскрикнула от изумления и громко сказала Мареку:

– Я же видела... видела это место, этот водопад между двух серых скал. Это из моего сна, Марек!

– Фантазерка ты, Хильда. Похожих мест на земле много. Ты ведь даже не знаешь, на севере или на юге этот твой водопад и озеро. Ну, разве можно верить снам?

– Марек, какой же ты зануда, – зеленые глаза сердито потемнели, Хильда быстро повернулась к художнику и, перебивая лысого бородача, который уже начал что-то говорить, выдохнула разом:

– Скажите, а вы там были, да? Видели это место? А где это? – вопросы прозвучали одним всплеском волнения.

– А я сам не знаю, где это место. О нем рассказала моя прапрабабушка, она была не гречанка. Явилась давным-давно на наш остров и вышла замуж за моего прапрадеда.

Лукас осторожно прикоснулся к руке Хильды и сказал, тщательно выбирая слова:

– Вы очень похожи на нее. Правда, правда... – и улыбнулся печально. Марек немного напрягся, твердо сжал зубами свою трубку и предложил Лукасу:

– Ну, так расскажи и нам, о чем говорила твоя прапрабабушка.

Открытое кафе в парке возле Кафедрального собора было почти пустым – лето попрощалось еще на прошлой неделе, и вечерами было прохладно. Столик в центре небольшой беседки как будто ждал именно их. Рассказ Лукаса был коротким, вызвал смехок недоверия у Марека и изумленный взгляд Хильды.

Прапрабабушку Лукаса, то есть бабушку его бабушки все в деревне называли Снежной Ведьмой. Причина была очевидна, и ничего странного в этом прозвище не было. В тот день, когда она появилась на берегу острова Патмос, на море

стонал невиданный шторм. Свирепый северный ветер разрушил несколько старых домов, а к вечеру вершина горы в центре острова покрылась снегом, который здешние обитатели никогда не видели, но знали о нем, – из старой легенды о великанах с севера, летающих женщинах с мечами в руках и огромном змее, притаившемся на дне океана.

Снежная ведьма пришла в деревню к вечеру того дня, когда выпал снег. Она была высока ростом, с длинными светлыми волосами, заплетенными в две косы. Глаза у нее были синие, а кожа – очень белая.

Она так и осталась на острове, вышла замуж за рыбака Христасиса, и вскоре их белый каменный дом с большим садом стал самым заметным в деревне. На крыше всегда вился по ветру большой кусок синего шелка с вышитой мордой волка и остроугольными знаками вокруг нее. Снежная Ведьма всем объяснила, что это Феху и Уруз, руны Богатства и Силы, а волк – символ ее рода, который остался далеко на севере, в горах страны Митгард.

Никаким особым колдовством она не занималась. На острове едва ли не каждая женщина была мастерицей на всякие бытовые волшебства, но она умела уговаривать ветер, а это важно для рыбаков и торговцев – правильный ветер.

Когда косяки рыбы надолго уходили от острова, и рыбакам не хватало сил добраться до них на своих тяжелых и неустойчивых баркасах, старейшина рыбацкой общины приходил в дом Христасиса и приносил пыльную запечатанную

бутыль вина. Он просил его жену спеть свою песню и уговорить ветер. Снежная ведьма пела песню на чужом языке. Сидела или стояла на берегу моря и просто пела красивым сильным голосом. Ветер всегда поворачивал в нужную сторону.

В семье Лукаса всем детям рассказывали историю их прапрабабки. Рассказывали по-разному, хотя сам Христасис записал всё слово в слово на куске старого паруса надежными чернилами из грецкого ореха под диктовку своей жены, Снежной ведьмы, когда она собралась его покинуть. В последний день своей жизни она использовала магию «запечатленного слова», чтобы ее любимый муж вновь встретился с ней в следующей жизни.

Она действительно была когда-то ведьмой в очень далекой, холодной и снежной стране. Там тоже есть горы и много быстрых рек и водопадов. Снежная Ведьма была очень знающей и сильной колдуньей, но однажды она поняла, что больше не желает горстями разбрасывать долгие и краткие болезни, невеликие несчастья, возвращать женщинам беглых мужей, которые больше не желали с ними жить, а потом встречать их несчастных детей. Ведь всем профессионалам колдовского ремесла известно, что дети расплачиваются за вину матери, которая приворожила их отца против его желания. Тогда она решила самостоятельно завершить свою судьбу и пошла на озеро. Хотела утонуть, а после смерти стать озерной рыбой или чайкой. Она стояла на берегу и расплетала

длинные косы, когда услышала позади себя голос.

– Эй, дочь леса и ночи, твоя покровительница Луна недовольна тобой. И родовая Песчаная волчица отвернулась от твоего подношения. Но уж вовсе недостойно продолжать жизнь в виде озерной щуки. И чайка из тебя получилась бы однобокая – одно крыло белое, другое черное. Ты сильная и умная женщина, лишь устала немного от своего предназначения. Отдохни, тебе назначено другое превращение. Поднимись на скалы, где река переливается водопадом, и – взлетай.

Нисколько не удивившись, она так и поступила. Знала, что ее судьбой распоряжается Великий Бог Один, главный вершитель судеб норвежского народа. Когда Снежная Ведьма стояла на краю скалы и смотрела на ревущий поток, небо и леса вокруг озера, ей вдруг захотелось взлететь в холодную ветреную синь. Она подняла руки над головой и потянулась вверх.

Взлет был внезапным и стремительным, крыло ветра сильно ударило в сердце и перевернуло ее в воздухе, а через несколько секунд она уже исчезла в струе водопада. Открыла глаза на заснеженной вершине единственной горы острова Патмос.

«Вот и вся история, – тихо сказал Лукас и добавил невпопад: – А кофе у нас на острове готовят с корицей и перцем, а потом гадают». Хильда и пан Марек недоверчиво уставились на свои чашечки с остатками кофе и Хильда, предста-

вив вкус перченого кофе, скривила губы.

– Ну а где же этот водопад и озеро, как оно называется? Лукас, ты что-нибудь знаешь еще? – Хильда нетерпеливо накручивала на палец прядь своих рыжеватых волос и пристально заглядывала в глаза грека.

– Где-то в Норвегии, а называется оно Эль-явр. Это все в нашей семье знают.

Глава 3

Профессор Артур Вильфранд

Через несколько дней Марек и Хильда слушали лекцию по совершенно неведомому социологам и политологам предмету – Теории Проникновения. Читал приглашенный профессор Артур Вильфранд. Станный, загадочный человек. Ни один из преподавателей Университета не знал, кто пригласил его. Декан факультета, он же – член Парламента и украшение политбюро маленького балтийского государства, сказал только, что его рекомендовали из Еврокомиссии. И добавил, мол, приехал он из Сирии, а там работал то ли в теневой команде Президента, то ли в службе разведки.

Конечно, все университетские дамы и девицы сразу внесли его в свои личные списки охотничьих интересов. Он обладал гибельным для любой женщины набором экстерьерных характеристик. При явно восточной и мужественной внешности был по-европейски галантен, бездонно эрудирован и – одинок. Последнее обстоятельство породило океан слухов, домыслов, мифов и ужесточило конкурентную борьбу среди

охотниц. Однако, несмотря на капканы и засады, которыми обложили его женщины, профессор Артур Вильфранд оставался недосягаем, как Джомолунгма, и загадочен, как Шамбала.

Хильда сидела рядом с Марекком и старалась не слышать его ироничных комментариев. Она полностью погрузилась в пространство, которое создавал Артур Вильфранд своим низким, чуть глуховатым голосом с едва различимыми чуждыми интонациями. А он рассказывал о строении Мироздания, десяти тысячах его сфер, о формах существования человеческих душ и семи планах человека. Он говорил о нашем реальном мире и о других мирах, существующих одновременно. О том, что в них могут происходить события, невозможные по нашему, человеческому разумению. В эти параллельные миры можно попасть лишь в особые моменты времени и в особых местах на Земле. Оказывается, таких мест много.

– А что там происходит с человеком? Если он вдруг попадает туда? Зачем они нужны? – вдруг громко спросил Марек, когда лекция закончилась, вопросы были заданы, ответы получены и в аудитории остались только они с Хильдой.

Профессор уже закрыл свой ноутбук, но медлил и не торопился уходить. Казалось, он обрадовался, услышав вопрос Марека.

– Иногда человек даже и не знает, что попал в параллельный мир. Например, увидел необычно яркий сон, с сюжетом,

пережил новые и сильные ощущения. А потом проснулся, улыбнулся и стал немного другим. Он изменился, а сам этого и не заметил.

Профессор Вильфранд посмотрел на пана Марека серьезно и тут же перевел взгляд на Хильду:

– А у вас, Хильда, бывали такие сны?

Хильда отчего-то смутилась и накрутила рыжеватую прядь на палец. Решительно посмотрела в глаза Артуру и быстро, не описывая своих эмоций, рассказала ему про свой сон, картину на выставке, встречу с Лукасом, водопад, Снежную ведьму и закончила так:

– А когда я проснулась, то оказалось, что кричала чайка на крыше, а во сне я подумала, что это кричит женщина. Вот и всё... Смешно, правда?

В сумрачных глазах Артура Вильфранда мелькнул интерес, он сел рядом с Хильдой и негромко спросил:

– А ведь вам хочется увидеть озеро и водопад своими глазами, наяву. Правда?

– Ой, ну, конечно же, хочется. Но разве сны сбываются?

– Некоторые сбываются. А вот мы попробуем это проверить. Может быть, у нас получится заглянуть в другую реальность. Пан Марек, вы не против небольшого путешествия со мной? У меня отличный внедорожник, по песку идет, как по паркету. Ехать не очень далеко. Вся прогулка займет часов шесть-семь. А вечером погуляем по Старому городу, и Хильда приведет нас в кафе, где пекут самый вкусный в ми-

ре медовый торт и делают десерты из лесных ягод...

Артур Вильфранд встал, засунул руки в карманы брюк и выжидательно посмотрел на парня.

Пан Марек солидно поднял брови, неторопливо достал свою трубку из замшевого футляра, закусил зубами мундштук и весомым баском ответил:

– Ну что же, если Хильда не занята и ей так уж хочется увидеть водопад из ее сна, почему бы и не поехать? Но, профессор, должен вас предупредить, что Хильда классная фантазерка. Она даже иногда рассказывает, о чем думает моя старая пуделиха. А о чем она может думать, кроме ливерной колбасы? Это и так всем известно.

– Пан Марек! – Хильда возмущенно хлопнула ладошкой по столу и хотела еще что-то сказать, но Артур Вильфранд ироничной улыбкой и мягким жестом остановил ее.

– А вы не допускаете, пан Марек, что любая фантазия – это метаморфоза реальности? И фантазии меняют реальный мир? Впрочем, об этом не сейчас, коллеги... Итак, мы договорились: в ближайшее воскресенье в девять утра я хотел бы вас обоих встретить у центрального входа в Верманский парк. Всего доброго, молодые люди, и до встречи. Да, захватите что-нибудь непроницаемое и непродуваемое. Там, куда мы поедем, бывают сильные ветры и дожди. Зонты будут помехой...

Профессор Вильфранд резко развернулся и стремительно вышел из аудитории.

Глава 4

Водопад в небе

Профессорский внедорожник урчал, как огромный сытый кот. Сосны справа и слева от дороги выныривали из синевы неба, высоким частоколом проносились мимо и пропадали за спиной.

Артур Вильфранд сидел за рулем, молчал, и только иногда его синеватые губы кривила легкая усмешка. Он прислушивался к разговору у себя за спиной.

– Ну Марек, я же сто раз тебе говорила, что чайка мне не приснилась. Я уже проснулась и вышла на лоджию. Она сидела на крыше, и одно крыло у нее было белое, а другое черное. Ну, точно так, как сказал этот норвежский бог, Один, прапрабабушке Лукаса, Снежной ведьме. Ты помнишь, как рассказывал Лукас? «И чайка из тебя получилась бы однобокая – одно крыло белое, другое черное».

– Господи, Хильда, какая же ты впечатлительная. Простое совпадение. Мало ли на свете мутантов. Есть белые вороны, например, но они большая редкость. Не выживают, их сородичи убивают. Потому что очень заметны и могут привлечь внимание врагов. Так и твоя чайка с разными крыльями. Это просто символ нестандартной личности. Ты представь, сколько лет они в семье рассказывали и пересказывали эту историю. Конечно же, добавляли что-то от себя. Для красоты. А тебе повезло, что так совпало, и ты увидела чайку-мутантку своими глазами. Всё просто...

– Ничего не просто, Марек! Ты нарочно меня злишь, – Хильда сердито ткнула кулачком Марека в плечо, но тот невозмутимо покусывал мундштук своей незажженной трубки и насмешливо улыбался. – Нет в природе таких мутантов, я специально весь интернет облазила и у наших университетских орнитологов спрашивала. Ну, нет таких чаек на Земле! А я ее видела своими глазами. Здоровенная такая, как индюк, клюв с горбинкой, и крылья разного цвета – одно черное, другое белое.

– Так может, это и не чайка была, а вещая птица Гамаюн? Прилетела тебе судьбу предсказать, а ты ее не узнала? Вот она с досады и завопила противным голосом, – басовито и насмешливо сказал Марек. Хильда только поджала губы, потом рассмеялась и махнула рукой. Она не могла долго и всерьез сердиться.

Внедорожник профессора изменил тембр урчания, притормозил перед съездом на боковую дорогу и плавно перевалил через невысокую насыпь. Дорога вела через прибрежный сосновый лес, и море уже виднелось сквозь изглоданные постоянными ветрами деревья.

Наконец сосны разбежались по сторонам и остались позади. Впереди серо-жемчужным покрывалом лежала Балтика. Слева далеко в море выдавался плоский мыс, а на самой его оконечности виднелась башня маяка. Когда утихли шум двигателя и хлопанье дверей, стало звеняще тихо и торжественно. Вопреки прогнозу профессора, ветра не было.

На песчаном пляже валялось несколько бревен, облизанных морем до пепельного цвета. К ним и направился профессор Вильфранд.

– Садитесь и смотрите.

Марек и Хильда почувствовали легкий холодок любопытства и азарта и торопливо уселись на гладкие стволы. Прошло минут пять в тишине. Только легкий шепот мелких волн и почти прозрачный туман над морем.

Профессор Вильфранд отошел довольно далеко в сторону, его широкие шаги пропечатали цепочку следов на нетронутом песке пляжа. Он не сводил глаз с какой-то точки на горизонте. И вскоре они увидели...

Хильда вдруг схватила Марека за руку:

– Этого не может быть, не бывает таких дождей!

– Каких дождей? О чем ты? – Марек прищурил глаза, поймал направление ее взгляда, и его брови удивленно поднялись.

– Да это же не дождь, это водопад! И смотри, смотри – это в горах. Вон там, дальше видны снежные вершины. Теперь картина стала ярче и отчетливее. Прямо перед ними, как будто на огромном экране, проступили детали пейзажа.

Артур Вильфранд стоял неподвижно, широко расставив ноги, засунув руки в карманы и низко наклонив голову. Кажалось, что от него тянется широкая струя подвижного зеленоватого тумана и исчезает в картине, которая развернулась на весь видимый мир. Но мир уже был не тот, в который

трое людей приехали из современного города на автомобиле и вышли на спокойный балтийский пляж в безветренный и солнечный день.

Теперь вокруг изменилось все. Безграничность пространства потеряла свою суровость, и линия горизонта исчезла. Казалось, что они находятся внутри огромной сферы с мерцающими подвижными стенами. С плоской вершины ближайшего скального уступа обрушивается водопад с тугой волной перелива на изломе потока. Далеко за ним видны снежные вершины гор, а внизу – темная зелень лесов и синее зеркало воды.

Ощущение реальности было немного пугающим, особенно впечатляли запахи: смесь влажного теплого дыхания растений с обжигающими прожилками холода ледниковых склонов далеких гор.

Еле слышен шум водопада, солнца не видно, но воздух пронизан солнечным светом и тонко звенит нежной водяной пылью. Поток

воды, падающей с высокой плоской горы, исчезает в густом лесу. Циклопического размера валуны в подножии водопада покрыты толстым слоем зеленого мха. Корни молодых сосенок и елей крепко держатся в этом моховом ковре. В густой заросли кустарника ярко вспыхивают желтые цветы.

– Что это? Там, над вершиной? Где переливается водопад, – Марек вскочил и показал направление.

– Ой, это похоже на огромную птицу! Смотрите, как вы-

соко она взлетела, а теперь падает вниз... на самые камни, – Хильда в возбуждении махала руками, показывая, куда в следующий миг должна упасть эта птица.

А над водопадом парила в воздухе вовсе не птица. Теперь стало видно, что это женщина в развевающихся темных одеждах. Из ее юбок или накидок выпадали какие-то маленькие вещицы, свертки, легкие парящие перья. Как будто спала шелуха и присохшие комочки грязи с тряпичной куклы, которую сильно встряхнули. Но она сопротивлялась притягивающей силе земли и воды.

Женщина кувыркалась в воздухе, пытаясь задержать свое падение. Иногда ей удавалось подняться немного, но преодолеть притяжение земли она была не в силах и вскоре исчезла в густой зелени, скрывающей чашу водопада. Ветерок донес ее пронзительный крик, короткий и наполненный страхом и вновь стало тихо. Только бормотание водопада и всплески падающей воды.

Краски вокруг стали быстро выцветать, сквозь горный пейзаж проступил привычный серовато-голубой цвет балтийского неба. Стала видна легкая рябь на море, и сильный ветер размазал остатки горного пейзажа в светлое желтое пятно. Пара чаек с пронзительными криками пронеслась низко над пляжем, и опять стало тихо. Всё закончилось, и мир вокруг стал прежним.

– Какой ужасный конец! Марек, я же видела этот водопад! И летала над озером! Ну да, это то самое место из моего сна

и с картины Лукаса, я узнала его, – Хильда в возбуждении вскочила на бревно и, приложив ладошки к щекам, мотала головой, не веря своему собственному открытию.

Она чуть не расплакалась, услышав крик падающей женщины. Как будто кричала та черно-белая чайка на крыше. Пан Марек ничего не ответил, он вытаращил глаза и яростно кусал мундштук своей многострадальной трубки. И разглядывал профессора Вильфранда, который не сдвинулся ни на шаг и не переменял позы, пока они были захвачены страшным происшествием.

Марек ни на секунду не поверил в реальность происходящего, и у него были вопросы к профессору. «Черт побери, как же он всё это устроил? Неужели он действительно обладает такой силой внушения, что может направленно изменять восприятие других людей? Или он просто разыграл нас и использовал технологию лазерных шоу? Тогда где спрятана аппаратура? Это же всё требует работы специалистов, специальной громоздкой техники, энергии... А как же запахи и водяная пыль в воздухе? И главное, для чего весь этот спектакль?»

Додумать он не успел, потому что глазастая Хильда уже бегом возвращалась от берега, неся в протянутых ладонях кучку мокрых маленьких вещиц. Она с разбегу вывалила свою добычу на плотный песок. Туго свернутые пергаментные и матерчатые колбаски, перевязанные разноцветными шерстяными нитками, птичьи перья и кусочек ткани с вос-

ковым пятном посередине, в который воткнуто девять швейных иголок.

– Смотри, это я выловила в воде. Они чуть не уплыли от меня, – в глазах Хильды сверкал отблеск морской волны, косички распустились, и она то и дело мокрыми пальцами закладывала рыжеватые непослушные пряди за уши. Ее джинсы были мокрыми до колен.

– Это всё, что осталось от той бедной женщины. Да, Марек?

– Всё, что не уплыло от тебя и не потонуло в море. Думаю, всего этого добра было намного больше.

– Ну да... Давай посмотрим, что в них завернуто...

Пока Хильда и Марек развязывали, расправляли и подсушивали улов, профессор Вильфранд сидел на песке вдалеке от них. Он облокотился на согнутые колени и сильными движениями растирал голову. Потом пружинисто вскочил на ноги, раскинул руки, как будто собираясь взлететь, очень медленно поднял их над головой и тут же свел ладони вместе. Так и застыл на несколько минут, пока к нему не подошел лохматый бродячий пес черно-белого окраса, который уже давно сидел на дюне в золотом шуршании осенней травы.

Лохматый бродяга осторожно вытянул голову и шумно втянул воздух чуткими черными ноздрями. Артур протянул к нему раскрытые ладони, и пес судорожно ткнулся в них лбом с белой звездочкой посередине. Потом сел на задние лапы, поднял голову, карими глазами внимательно посмот-

рел на Артура и застенчиво лизнул его руки.

Артур сел рядом на песке, обнял пса за шею и что-то шепнул ему в ухо. Еще минуту они просидели обнявшись – человек и собака. Потом пес осторожно высвободился из объятий и неспешной трусцой направился вдоль песчаного пляжа в сторону мыса. Он часто оглядывался через плечо, и тогда Артур поднимал правую руку. Вскоре пес исчез из виду, а профессор Артур Вильфранд направился к бревнам на берегу, где Хильда и Марек рассматривали найденные вещицы.

Глава 5

Колдовские артефакты

– Так ведь это же... – вскрикнула Хильда и тут же прижала к губам ладошку. В другой руке у нее была только что развернутая клетчатая тряпица с маленькой восковой куколкой. В области сердца у нее яркой красной краской был нарисован крестик.

– Что, Хильда, что? Что ты нашла?

– Вот, смотри, Марек, это же колдовские предметы. Значит, эта женщина была колдуньей!

– Или ведьмой... – задумчиво добавил пан Марек. – И тогда получается, что мы видели...

– Ну да, конечно же! Я же тебе говорила. Мы видели тот самый водопад, в который упала Снежная ведьма. Как на картине Лукаса!

– Да, действительно, многие детали сходятся.

– Так значит, он существует на самом деле? И мы его ви-

дели! Это был, наверное, мираж. Мираж ведь отражает то, что действительно существует, но где-то далеко. И нет в миражах ничего таинственного. Правда ведь, Марек?

– Да, конечно, миражи давно изучены и объяснены, и в них нет загадки, – Марек продолжал задумчиво разглядывать разложенные на песке вещицы.

Он наконец-то раскурил свою трубку, и ароматный дым «Золотого руна» нежно струился затейливыми кольцами и зигзагами.

– Йезус Мария! А как же эти предметы? Они же реальные, и они здесь. Ничего не понимаю... – Хильда от возбуждения пританцовывала на месте, встряхивала своей рыжеватой гривой и вообще напоминала породистую молодую лошадку перед началом скачек.

Пока пан Марек курил, задумчиво созерцая добытые сокровища, или по-научному, артефакты, пока он с обожанием разглядывал саму Хильду, она не теряла времени даром и стала перебирать уже высохшие находки.

– Смотри, вот к перу привязаны чьи-то волосы. Красной ниткой. А вот на этом – синей. А это просто сердечко из воска, но с глубокой канавкой посередине. Как будто его хотели разрезать пополам, но не успели. А вот еще одна куколка, только мужская, и у нее маленький гвоздик между ног. Ужас какой-то!

Профессор Вильфранд подошел к ним и сдержанно улыбнулся. Он слышал последние слова Хильды и теперь с лю-

бопытством разглядывал предметы, выуженные из морской воды. Потом сел на бревно, крепко растер ладонями лицо и вполне будничным голосом произнес:

– Отлично, всё сработало... Я угадал время, хотя до последней минуты были сомнения – сумею или нет пройти барьер...

– Какой барьер, о чем это вы, профессор? – Марек подошел к Артуру поближе и с иронией переспросил: – Барьер между сном Хильды и картиной Лукаса?

– Барьер между мирами, коллега... – подчеркнуто миролюбиво ответил Артур. – Над этим скучным местом располагается зона Фронтيرا, граница между параллельными мирами. Она не всегда открыта, и проникать в другой мир непросто... Это требует большой затраты энергии. Допуск на проникновение действует ограниченное время.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, но у вас это получилось... Ощущение реальности было полным, хотя я и не поверил. И хочу спросить – а где спрятана аппаратура для лазерного шоу?

Артур кривовато усмехнулся, смешно выгнул левую бровь и достал из кармана сигареты. Прикурив, он взгляделся в глаза Марека и очень серьезно сказал:

– В моей голове, дорогой коллега... – и уже суховато добавил: – Это сложная процедура. Мне помогали...

– Кто, откуда, каким образом? – на эти вопросы Марек не получил ответа, потому что Артур быстро поднялся и подо-

шел к Хильде. Она держала в руках кусок мягкой кожи, величиной с ладонь. На нем было что-то написано или нарисовано угловатыми незнакомыми то ли буквами, то ли знаками.

– Ой, это что, скандинавские руны? Да, профессор?

– Да, Хильда, это рунический язык, и это похоже на заклинание. Призывание удачи...

– А что, что же там написано, вы понимаете?

– Если перевести это на современный язык, звучать будет примерно так: «Когда желание и намерение питают волю и скрепляют Союз лошади и всадника – рождается целостный человек и видит Радость в луче Солнца».

– Сложно как-то всё это... – разочарованно протянул пан Марек.

– А это какой язык? Совсем другие буквы, круглые, овальные и красивые, – Хильда выудила из кучи просохших записок еще одну, на довольно большом куске желтого измятого пергамента, сплошь покрытого вязью букв, и протянула ее профессору Вильфранду.

Едва взглянув на нее, Артур преобразился. Его сумрачные карие глаза потеплели, он улыбнулся широко и весело, взгляделся в полуразмытый текст и громко расхохотался.

– Да, интересное место – этот Водопад Перерождений. Какие только ведьмы не приходят туда... Со всего света... Вот и моя соплеменница-армянка однажды решила начать жизнь сначала. Похоже, устала она привораживать мужчин к дру-

гим женщинам, решила подумать о себе. И написала для себя Заклинание о любви. Ого, да еще и в стихах... Ну-ка, прочитаем... Переводить?

– Артур насмешливо взглянул на Хильду, потом серьезно посмотрел на Марека, как будто взвешивал, поймут ли они...

– Ну, конечно же! – Хильда не спускала глаз с Артура.

– Хорошо, попробую сохранить хотя бы ритм, – Артур прикрыл глаза, помолчал немного, а потом, иногда чуть задерживаясь в поисках нужного слова, нараспев, с волнующей гортанностью в голосе, стал читать:

– Пусть струя водопада смоег весь мой грех и то зло, что я вызвала!

– Пусть струя водопада смоег мою боль и мои потери!

– Пусть струя водопада смоег мои страхи и опасения!

– Это будет завтра, любимый, в жизни той, что за гранью горя, за горами моих страданий, в мире нового существования...

– Будет так, как я разглядела, рисовала и вышивала. На бумаге, на шелке и камне. На стене, на платке и на двери. Пред тобою я, мой желанный, скатерть белую расстелю. Куропатку с кожей румяной соком сливовым оболую. И напиток, хмельной и пряный, я в две чаши для нас налью. Я надену наряд тонкотканый, чтобы ты за дымкой туманной видел белую грудь мою...

Пока профессор Вильфранд, чуть улыбаясь, переводил

стихи, а делал он это блестяще, Хильда засмотрелась на серое небо, серое море, закусив нижнюю губу и думая о том, как мало она знает о жизни, людях и мире. И еще ей пришло в голову, что такие стихи могла бы написать любая женщина. Да, могла бы. Но только тому мужчине, который не позволит ей стать ведьмой. Ведь чтобы стать ведьмой, сначала надо очень сильно влюбиться и не получить ответной любви... Ревновать и желать зла своей сопернице, а потом уже озлиться на всех женщин и мужчин. Это Хильда знала из сказок, которые читала в детстве.

И ей вдруг захотелось стать могущественной ведьмой или колдуньей. Но чтобы не надо было сначала страдать. Она не желает никому зла. Конечно, нет. Она бы совершала только добрые поступки и помогала женщинам найти свою любовь. А потом нашла бы и свою... Что может в жизни быть важнее любви? Ничто...

Прочитав стихи на пергаментном листке, Артур небрежно бросил его в общую кучку, покопался среди остальных записок, выудил одну и стал вчитываться в текст.

– Ого! А вот это посерьезнее заклятие, точнее, проклятие... Профессиональное, по стилю похоже на одну из голландских ведм, она прокликает своего любовника, который ее оставил ради другой дамы. И надо сказать, она использует весьма грубую брань. Похоже, ее незадачливый партнер в итоге стал импотентом, – профессор насмешливо подмигнул Мареку. – Женская месть страшна, Марек, а если женщина

– ведьма, то смертельно опасна.

Еще раз взглянув на кучку колдовских вещей, Артур вытащил из кармана сигареты и закурил, заслонив ладонью огонек зажигалки. Докурив, он внимательно осмотрел берег и сказал:

– Впрочем, всё это не имеет к нам никакого отношения, эти проклятия, заклинания, ведьмы в водопаде, куколки с гвоздиками между ног. Это не наш мир, не наша реальность. Главное для меня и для вас, Хильда и Марек: вы увидели и поняли, что в зоне Проникновения, или в зоне Фронтيرا, можно попасть в параллельный мир. Хильда увидела Водопад Ведьм в своем сне. Его еще называют Водопад Перерождений. Это был не простой сон, а предвещающий или предупреждающий. Такие сны видят все люди время от времени. Но мало кто понимает их. Большинство просто забывает. Хильда не забыла, а картина и рассказ вашего друга грека еще больше заинтриговали. И заставили думать. Вы рассказали мне. Я организовал короткий и ограниченный допуск в тот мир. Как это делается, для чего и кто может открывать окна в зоне Фронтيرا, – вопрос обширный. Всё узнаете в свое время, а сейчас пора возвращаться домой... – профессор Вильфранд уже был готов к обратной дороге.

Он широким шагом направился к своему внедорожнику, сел за руль и завел двигатель. Тем временем Хильда собрала добычу в пакет и засунула в карман Мареку, на что тот невозмутимо заметил:

– Не понимаю, пани Хильда, на что тебе этот хлам из по-
тустороннего мира...

– Это не хлам, Марек, это доказательства существования
Водопада Ведьм. Может быть, я там когда-нибудь побываю,
в том мире, – и Хильда мечтательно оглядела пляж, дюны,
прибрежный лес, море, а перед ее внутренним взором воз-
ник Водопад Перерождений, далекие снежные горы, озеро и
огромные валуны, на которые обрушивалась тугая тяжелая
струя воды. И женщина, падающая в стремительный поток,
потому что она устала быть ведьмой...

Глава 6

Кто такие Смотрители

Когда все формальности с регистрацией билета, таможен-
ным и паспортным контролем были позади, Хильда уселась
в кресло около иллюминатора, заранее пристегнула ремень и
закрыла глаза. Она летела в Осло. «Ну и ладно... Потом пой-
му, что же мне там понадобилось и почему меня так тянет
в это место», – подумала Хильда и просто заснула. А когда
проснулась, самолет уже шел на посадку в аэропорту Гардер-
муэн.

С того дня, когда профессор Вильфранд показал ей и Ма-
реку Водопад Ведьм и рассказал о команде Смотрителей,
Хильда буквально заболела «всею этой чертовщиной и за-
предельной чушью», как выражался Марек.

Она устала спорить с ним и объяснять, что никакая это не
«не чушь и не чертовщина», а просто другая, не наша реаль-

ность. Как и объяснял профессор Вильфранд в той памятной лекции. Но как-то связанная с ней, Хильдой, еще непонятными ей связями. И ей обязательно надо попасть на это озеро в Норвегии, увидеть водопад и что-то понять.

А Марек не понимал ее, ему не было дела до другой реальности, его реальность была всегда рядом с ним – со своими переменчивыми глазами, гривой рыжеватых волос, гибким телом и восторженной душой. За три года их бездумного товарищеского романа с веселым сексом и постоянным соперничеством в учебе он привык опекать Хильду и решать за нее невеликие житейские проблемы.

И вот она взбунтовалась. И пан Марек ничего не мог поделать, он только солидно и смешно хмурил брови, жевал свою трубку и разводил руками. Больше всего ему не нравилось поведение профессора Вильфранда. Как это принято в их среде, они называли друг друга по имени после совместной поездки на мыс Колка, но с сохранением уважительного «вы».

Не то было с Хильдой. Она, конечно, не нарушала правил хорошего тона и тоже говорила: «Вы, Артур...» – а профессор вел себя иначе. Не часто, но очень заметно коричневый сумрак в его глазах таял, в них появлялся переливчатый медовый оттенок, и тогда он говорил Хильде – «ты»... Хильда внешне никак не реагировала, но ревнивый глаз и слух пана Марека ощущали угрозу своей собственности.

Тот вечер после поездки на мыс они действительно про-

вели в Старом городе. Хильда безошибочно вела их по узким кривым улочкам с выпуклым блестящим булыжником под ногами. Марек точно знал, что никакого кафе нет в этой части Старого города, но Хильда упрямо шла впереди, пока за поворотом улицы Пивоваров, около Шведских ворот не мелькнула вывеска «Домашние сладости Дзидры». Там они и остановились – Марек, нахмутив брови, профессор Вильфранд со скрытой улыбкой в уголках губ.

Внутренний дворик кафе оказался маленьким, зажатым между стенами средневековых домов. Коричневые косые балки, узкие немногочисленные окна и крошечное пространство бывшей булыжной мостовой. Стены до самых крыш заросли диким виноградом. Сейчас, в сентябре, его листья уже полыхали жаркими оттенками красного и желтого, как будто торопились отдать недолгий огонь летнего солнца прохладному осеннему городу. Около единственного столика под навесом, стояли три кресла.

Пока девушка в длинном платье и чепчике с оборками накрывала на стол, они успели обменяться университетскими сплетнями, поговорили о сетевых играх и талантливых студентах. Просто болтали, как старые приятели.

Привычная холодность и нелюдимость профессора Вильфранда куда-то исчезли, глаза его посветлели, и вообще он преобразился. Артур легко и весело рассказывал короткие истории из своей студенческой жизни, но было непонятно, где же он учился и в какие времена-то про студентов Универ-

ситета Саламанки, то об учениках Смеющегося Будды Ци-Цы, наимудрейшего из монахов своего времени.

Хильда хохотала, не забывая уминать колбаски, поджаренные на решетке, а Марек, отложив свою трубку, свирепо расправлялся с куском бараньей ляжки. Волнения, пережитые на мысу, требовали пополнения энергии.

Когда первый голод был утолен, мужчины закурили – Артур сигарету, Марек трубку. А потом настала очередь медового торта – гордости и тайны хозяйки этого заведения. Он просто требовал, чтобы его съели немедленно. Пока Хильда добиралась до середины большого куска, Артур не отводил от нее странного взгляда. Потом он, приняв какое-то решение, резким движением поднял бокал с вином и немного торжественным голосом сказал, глядя ей прямо в глаза:

– Дорогая Хильда, давайте выпьем за понимание. Это непросто – понимать...

Он взглянул на Марека, увидел в его глазах настороженность и продолжил уже другим тоном – спокойно, мягко и серьезно:

– То, что я расскажу, может показаться невероятным. Может быть, даже выдумкой... Это нормально. Такие рационалисты и прагматики, как вы, не можете с ходу поверить в существование множества реальностей. Где смешиваются времена и встречаются люди, живущие в тысячах километрах друг от друга, и их жизни разделены тысячелетиями. Да, да, это нормальное состояние нашей Вселенной. Действие зако-

нов Проникновения и Трансформации, их несколько. И они работают на многих уровнях... Часть иной реальности я вам и показал... Там, на мысу. Но, пожалуй, вам это не очень интересно?

Марек исподлобья взглянул на профессора Вильфранда.

– Нет, Артур, очень даже интересно... Как одна из гипотез структуры Мироздания. Но хочется всё же узнать, при чем здесь мы с Хильдой. Знаете, я не чувствую в себе желания проникать в тайны Мироздания. Бог с ними, пусть живут отдельно от меня... И, кроме того, я не уверен, что всё это не было мастерским лазерным шоу. Только вот не понимаю, как вы всё это проделали.

Артур улыбнулся, потом опустил голову, спрятав глаза, и очень тихо произнес:

– Пан Марек, я не хочу влиять на вас, хотя мог бы вообще ничего не говорить, а просто создать ситуацию, в которой вы по собственной инициативе отправились бы вместе с Хильдой искать это озеро в Норвегии.

– Как это самонадеянно звучит, профессор! Мы же не юниты низшего класса из компьютерных стрелялок...

– Это реально, что бы вы ни думали по этому поводу... Но моя цель другая – помочь вам освободиться от стереотипов мышления. Другими словами, перейти на более высокий уровень понимания жизни. Дополнить ваш рационализм, если угодно...

– И за каким дьяволом вам это нужно? Чем вам не уго-

дил, например, мой рационализм? Мне вполне комфортно живется с ним. В конце концов, это мое личное дело – быть рациональным или погрузиться в мистическую бредовую чушь.

Марек был задет и готов перейти в острую фазу дискуссии, но укоризненный взгляд Хильды и ее теплая ладошка на руке остановили его. Самолюбивые и задиристые предки пана Марека яростно пробормотали в свои густые усы: «У, пся крев!» – и отошли в угол, к бочке с пивом.

И тогда Артур Вильфранд поднял голову и взглянул на Хильду. Потом вновь заговорил. И в течение следующего получаса она не могла оторваться от его глаз. Она как будто прошла сквозь темноту туннеля, попала в необычные места и узнала поразительные вещи. И поверила ему. Сразу и безоговорочно.

Когда всё, что он хотел сказать, было сказано, Хильда была готова лететь на поиски Водопада Ведьм в Норвегию, в Шри-Ланку, в пустыню Наска, в кратер вулкана Эйяфьятлайокудль – куда угодно. Только для того, чтобы своими глазами увидеть тот мир превращений и понять, зачем ей приснился этот странный сон.

Вот что рассказал профессор Вильфранд. В зонах Проникновения миров, или в зонах Фронттира, с людьми происходят события, меняющие их понимание жизни, а следовательно, личную Судьбу. Эти зоны как центры трансформаций. Для одних – быстрое накопление жизненного опыта,

для других – освобождение души от гнетущих остатков прошлого. А для третьих – просто открытие своих возможностей.

Сам Артур Вильфранд не вполне человек. Он Смотритель. Или Коммуникатор, так ему больше нравится. То есть тот, кто присматривает и организует. Это следующий уровень существования человека. Не каждый человек становится Смотрителем. Только тот, кто в пути своих перерождений в круге Сансары – Артур употребил буддистский термин – способен развиваться и переходить на более высокий уровень понимания. Не отступая назад в своем движении по лестнице существований.

Срок жизни Смотрителей не ограничен, по крайней мере, по человеческим меркам, и они обладают огромными возможностями психологического воздействия и приемами управления реальностью. Вместе с тем они подчиняются строжайшему Закону жизни среди людей.

Сам Артур служит в команде Верховного Смотрителя. Смысл и цель работы Смотрителей, их предназначение – извлекать и трансформировать энергию человеческих эмоций и поддерживать баланс добра и зла на Земле. Они это называют оранжево-черной двойной спиралью.

Человек живет в двойном потоке. Поток солнечной оранжевой энергии – сила любви и созидания, черной – сила ненависти и разрушения. И ту, и другую рождают души людей, их поступки и эмоции. Их баланс – неперемнное и един-

ственное условие жизни на Земле.

Присматривать за людьми надо. Они эгоистичны, нетерпеливы, любят острые ощущения, нетерпимы и воинственны. Поэтому очень часто мощные потоки черной энергии Разрушения вливаются в оранжевую реку Созидания. Всё это происходит в душах людей и несет угрозу их связанным между собой судьбам. И смысл, предназначение касты Смотрителей – наблюдать, искать причины и уравнивать отчаяние и радость, злобу и добросердие, ненависть и любовь. Поддерживать Великое Равновесие в нашем общем Мире, состоящем из множества отдельных параллельных миров, иногда пересекающихся и проникающих друг в друга.

Через зоны Проникновения осуществляется связь между мирами и поддерживается энергетический обмен. Так устроено Мироздание – постоянное развитие и движение энергии, информации, идей...

Когда Артур закончил свой рассказ и закурил, Хильде страстно захотелось съесть большую отбивную, а потом порцию взбитых сливок. Профессор Вильфранд мгновенно уловил ее желание и, улыбнувшись мягко и дружески, заказал еще и сливочный крем с черникой, голубикой и морошкой.

Пока она быстро и взволнованно поглощала вкусности, Марек сидел молча, сосредоточенно курил трубку и неодобрительно поглядывал на нее. Для себя он твердо решил, что профессор их просто дурачит, неизвестно – с какой целью. Но постепенно пришел к выводу, что цель эта сидит рядом

с ним и облизывает сладкие от крема губы. Настроение его испортилось надолго. Он отказался лететь вместе с Хильдой в Норвегию. «Надо заканчивать проект, – весомо сказал он и добавил: – А ты зря потратишь время, пани Хильда. Потом придется помогать тебе», – не удержался от упрека Марек.

Дорога к озеру Эль-явр

Здание аэропорта Гардермуэн показалось Хильде низким и небольшим. Площадь перед ним была забита красными машинами такси, на крышах которых светились их номера. Но чтобы отыскать среди них нужный, Хильде не понадобилось обходить всю площадь. Она просто достала мобильный и позвонила по номеру, который ей дал профессор Вильфранд перед поездкой.

Когда она с горящими глазами выпалила, что ужасно хочет найти это место и попасть в тот параллельный мир, Артур будничным тоном ответил:

– Хорошо, Хильда, попробуй разыскать эти места. Если есть такое сильное желание, то надо действовать смелее, а там, возможно, и поймешь, зачем и для чего. Я помогу тебе попасть туда, – и сдержанно улыбнулся ей.

Хильда просияла – поддержка ей была нужна. Тогда же он и рассказал о своем знакомом таксисте в Осло и дал ей номер его телефона, а заодно описал машину. Получалось так, что эта машина выделяется среди других – она выкрашена в оранжевый цвет, а крыша у нее зеленая. Кроме того, она

выглядит старой и потрепанной.

Еще он объяснил, что надо дойти до деревни Тиммерхавн на берегу Санхеттен-фьорда и найти там шкипера Оле Мортенлина, сына Бьорна Магнуса Таденлика или фру Йотту Свамменхевен. Ее местные жители называют Йотта-хромоножка и считают прорицательницей, или вэльвой по-норвежски, а некоторые просто ведьмой.

Хильда слушала его, запоминала имена, записала номер машины. Тревога и страх пробегали мурашками по пальцам, но она полностью поверила Артуру Вильфранду. И вот она здесь, в Норвегии. Путь ее обозначен, но ведет он в неизвестность.

Через полчаса знававший лучшие времена оранжевый «седан» мчался по черному асфальту пустынного мокрого шоссе. Дождь только что закончился, и солнце вновь царило над горами и фьордами. Слева нестерпимо резала глаза блистающая синь Санхеттен-фьорда, а справа громоздились тяжелые скалы, густо заросшие елями и соснами.

Водитель такси не произнес ни слова с той минуты, как в аэропорту Гардермуэн открыл дверцу машины перед Хильдой, подождал, пока она удобно устроится, и сам застегнул на ней ремень безопасности, для надежности закрепив его старым альпинистским карабинчиком.

«Интересно, он собирается по воздуху лететь или прыгать с трамплина?» – подумала Хильда, но почему-то ей это все не показалось странным. Она уже начала привыкать не

удивляться ничему и просто действовать...

Конечно, машина не взлетела в воздух и у нее не выросли крылья, но на такой скорости, с какой водитель гнал свой «седан», любой перепад дороги превращался в настоящий трамплин. Четыре колеса в воздухе, сердце в пятках. Азарт и страх – приключение Хильды начиналось стремительно. И она этому была рада.

Резкое торможение бросило Хильду вперед, на лобовое стекло. В этот момент она и оценила дополнительное крепление ремня безопасности, который выскочил из своего зажима. И только надежный крючок карабина удержал Хильду от удара о стекло. Не будь этого альпинистского карабинчика, ходить бы ей с шишкой на лбу пару недель, не меньше...

– Тебя ждут, – пробормотал водитель по-английски, остановил машину, освободил Хильду от ремня и отошел в сторону, пока она выбиралась и осматривалась.

– Кто и где меня ждет?

Шоссе было по-прежнему пустынно, только со стороны Санхеттен-фьорда чуть слышался шум корабельного дизеля. Рыбачье судно направлялось в сторону океана.

– Там, справа от дороги, – худой длинный палец водителя ткнул в какую-то точку, и Хильда увидела на обочине большую светлую собаку в темном широком ошейнике, а рядом двух маленьких щенков. Один выбежал на дорогу.

– А, хорошо, спасибо. Сколько я должна заплатить? – этот вопрос, естественный в любом городе мира, рассмешил так-

систа. Он замахал руками и, продолжая смеяться, полез за руль. Круто, визжа покрышками, развернулся, выжал максимально газ, и «седан» с ревом умчался обратно в сторону Осло.

Хильда пожала плечами, весело улыбнулась и быстрым шагом двинулась навстречу собачьему семейству. «Раз есть собака, должен быть и хозяин, – подумала она, – тем более у собаки с таким дорогим ошейником...»

Но ошейник оказался просто полосой коричневой шерсти, собака – ростом с небольшого теленка, а хозяина не оказалось вовсе. Всё это огорчало и немного пугало. Вернее, огорчало только отсутствие хозяина, а пугала неизвестность... «Куда идти дальше и где ночевать, если не дойду до деревни сегодня? И вообще, зря я всё это затеяла...»

Но зато собака оказалась умницей и сразу вывела Хильду на лесную тропу. По ней они и пошли – собака впереди, ее щенки за ней, а Хильда позади всех.

Тропа всё время шла наверх, обегая высокие скалистые уступы, заросшие деревьями, вершины которых можно увидеть, только если задрать голову. Кое-где виднелись голые гранитные стены. В таких местах Хильда еще не бывала. Довольно крутой подъем скоро утомил ее, она присела на камень и позвала:

– Эй, собака, подожди, давай немножко отдохнем.

Собака обернулась на голос, внимательно посмотрела, сначала села посередине тропы, а потом подошла к Хильде.

Ее щенки тут же плюхнулись на животы, распластав по земле все четыре лапы, и высунули языки, быстро и шумно дыша. Они тоже устали.

– Как же тебя называть, собака? Ну, скажи хоть словечко, может быть, я тебя пойму? – Хильда улыбнулась, погладила ее по голове и почувствовала, как собака приняла ее ласку, потерлась лбом о ладонь.

– Ну, не могу же тебя называть Бобик или Жучка. . Смешно и глупо, правда ведь? Да и ты такая солидная, умная. А ты точно меня приведешь в деревню Тиммерхавн? Мне очень нужно успеть еще сегодня... – Хильда гладила собаку, перебирала пальцами густую шерсть на шее и груди, и собаке это нравилось. Она не сдвинулась с места, пока Хильда не поднялась с камня.

Тогда собака весело отбежала на середину тропы и громко залаяла. «Айк! Айк!» – так послышалось Хильде, и так стало известно имя собаки – Айка. А ее щенки имен пока не имели, потому что были маленькие и совершенно одинаковые.

Вскоре подъем кончился, и тропа уткнулась в ровную круглую площадку над крутым обрывом. И сразу за ним – шелковая синь озера. Справа и чуть вдалеке хорошо видны две высоких базальтовых скалы с плоскими вершинами, между которыми неслась вниз вода. А еще дальше виднелись снежные шапки горного хребта. И вокруг озера были горы, покрытые темно-зеленым лесом.

На далеком противоположном берегу, на небольшом хол-

микe под огромным деревом стоял странный дом, полускрытый в тумане. Издали было трудно разглядеть, деревянный он или каменный. Прогнувшиеся скаты крыши уходили в землю, и на них росла трава. Дом выглядел таким старым и заброшенным, как будто ему не меньше тысячи лет. Хильда прижала руки к груди, ей казалось, что она сейчас взорвется осколочками от изумления. Она вспомнила слова Лукаса: «А называется оно Эль-явр. Это все в нашей семье знают».

– Так вот оно какое, это озеро Эль-явр. И Водопад Ведьм, оказывается, рядом, и речка впадает прямо в озеро! Айка! Мы пришли, да? Где ты? – Айка не отзывалась, исчезли и щенки.

Хильда стояла одна над озером Эль-явр, слушала гул водопада, смотрела на дальние горы, и ей стало тоскливо, одиноко и страшно. Она вспомнила свой сон, там всё было приятно и радостно, а здесь она чувствовала тревогу и растерянность.

Солнце уже поспешно скатывалось за снежный хребет, и скоро должно было совсем стемнеть. Никого вокруг, даже птицы, которые не замолкали, пока они шли по лесной тропе, вдруг попрятались. А как же деревня? Где фьорд? Где деревня Тиммерхавн? И где тут искать людей – Оле Мортенлина, сына Бьорна Магнуса Таденлика, и эту прорицательницу, вёльву Йотту Свамменхевен? И существуют ли они на самом деле?

И вдруг она ужаснулась до спазма в горле: какой глупой

была ее затея – искать водопад... Ну, нашла, и что теперь с ним делать? Может, вообще профессор Вильфранд пошутил и разыграл их. Когда показал им Водопад Перерождений там, на мысу Колка. Просто он владеет современными и старинными техниками внушения и таким образом развлекается.

Слезы уже готовы были пролиться, но, закусив губу, Хильда храбро сражалась со своими сомнениями и страхом.

Всё решила догадка-молния – Артур Вильфранд просто посмеялся над ней, над ее романтическим воображением, над ее полным доверием к нему, над ее легкой влюбленностью. Посмеялся цинично и зло. И это было невыносимо.

Хильда зарыдала громко и безнадежно, бросилась ничком на землю и стала колотить по ней, не замечая острых гранитных осколков и сосновых игл, которые, как подлые садисты-тихони, все собрались под ее руками. Она рыдала и выкрикивала, захлебываясь слезами:

– Ничего, ничего... Я еще выучусь на ведьму или колдунью! Я научусь привораживать любого, кого захочу! И я не буду злой, как та голландская ведьма... Нет, я буду привораживать только добром и любовью. И вот тогда посмотрим, как вы будете чувствовать себя, Артур Вильфранд! И вам станет стыдно, очень стыдно за насмешку надо мной!

Хильда была еще очень молода и не знала, что любить бывает очень больно, а чувствовать себя обиженной и оскорбленной – сладко. Но и то, и другое – всего лишь времен-

ные состояния нездоровья. К примеру, как грипп или легкое несварение желудка. Или то и другое одновременно. И еще она не знала, что очевидное не всегда реально... и наоборот.

Глава 8

Боевой кот викингов

Берсерк осторожно и неспешно обходил свою землю, мягко и бесшумно погружая пружинистые лапы в толстый слой рыжих хвойных иголок. Мускулистый хвост был напряженно вытянут и слегка приподнят в основании, а уши подрагивали и разворачивались в разные стороны.

Боевой кот викингов был не просто старожилом среди зверей в этих горных лесах, он был смотрителем и надзирателем всей долины озера Эль-явр и Водопада Ведьм. По крайней мере, так думал сам Берсерк, и даже Оле Мортенлин, сын Бьорна Магнуса Таденлика, настоящий, человеческий смотритель этого округа, не спорил с ним.

В сумраке под древними елями было влажно, и запахи соперничали друг с другом в силе и резкости. Берсерк знал их все. Здесь пробежал вонючка Гревлинг, барсук из Голых скал. А вот тут прошла старая приятельница Берсерка рысь Гаупе Бесхвостая, а с ней ее трое котят. Что-то она часто стала ходить по этой дороге. Видно, скоро прогонит своих детей и будет искать очередного супруга. Недавно у Звенящего ручья поселился молодой холостой рысь Виль, вот она и присмотрела его, наверное. Берсерк усмехнулся понимающе и мысленно пожелал своей приятельнице и дальней род-

ственнице охотничьей удачи и любовных утех.

Внезапно Берсерк остановился, и его усы зашевелились. Так и есть. Опять этот рыжий Хоппер, чемпион среди белок по прыжкам. Что он делал здесь под елями? Какого черта не сидится ему на своей Дурной сосне? Мало ему трепки, которую получил от Берсерка в прошлое полнолуние? Берсерк с удовольствием вспомнил о куске беличьего хвоста, который самонадеянный Хоппер оставил в его когтях. Берсерк был крут характером и не терпел нарушений Лесного Закона Уровней жизни.

В давние времена был установлен этот закон. Тогда еще существовала в небесах над Скандинавией страна Асгард, где жил Великий Бог Один и Асы, его подчиненные боги. И была на земле страна Митгард, где жили люди и лесные карлики. А еще в Митгарде жили разные животные – кто в горах, кто в земле, кто на ветках деревьев, а кто в воде или воздухе. И не было порядка среди них. Кто где хотел, там и охотился. Кто встречал кого на тропах, в долинах или на берегах речек, того и съедал. Если был голоден. Долго терпели боги такой беспорядок и наконец установили единый Закон для всех зверей, птиц и рыб. Закон Уровней жизни. Он был прост и понятен и лохматому гиганту медведю, и рогатому лосю, и самому ничтожному червяку. Закон гласил:

«Кормись, размножайся и убивай только на своем Уровне жизни.

Территорию для себя отвоевывай в честной борьбе с со-

перником.

Соперника не убивай. Своих не ешь.

Убей чужака, если встретишь его на своей территории. Если голоден, сожри его. Если сыт – спрячь впрок. До лихих времен.

По чужим владениям ходи осторожно, быстро и не причиняя вреда ни бегающему, ни летающему, ни ползающему».

Вот и получалось по этому закону, что наглый Хоппер спустился со своего Уровня жизни на деревьях, ветках с сосновыми шишками и высоких ореховых кустах на землю, под самые нижние лапы елей, где он был чужаком. Да и делать ему на земле нечего. И если бы Берсерк встретил его сейчас, жизнь ловкой, но глупой белки закончилась бы на его острых клыках.

– А это кто такой? – запах чужака заставил Берсерка присесть на задние лапы. Тело мгновенно превратилось в туго свернутую пружину, а уши плотно прилегли к черепу. В темноте под вывороченными корнями упавшей ели сверкнули желтым светом кошачьи глаза, и раздался сигнал атаки, знакомый Берсерку со времен его ранней молодости. Это был клич боевых котов викингов. Древний закон боя предписывал не нападать без предупреждения. Значит, это один из его бывших боевых соратников. «Где же он скрывался и зачем пришел на мою землю?» – мысль эта промельком появилась и исчезла. Сейчас надо было немедленно наказать и вышвырнуть вон чужака.

И вот он появился, выполз из узкой щели в переплетении корней. Берсерк узнал его. Это был боевой кот по прозвищу Полуглазый Тим из дружины Эрика Бешеного, викинга с самыми свирепыми бойцами-берсерками. Сам Берсерк начинал свою бойцовскую карьеру на плече этого самого Эрика, лохматого и вонючего черноволосого крепыша, но потом ушел от него к Туру Рыжему, навсегда сохранив только свое имя. Боевой кот может по своему желанию выбирать себе дружину и того воина, который станет его товарищем в боевых походах. В атаках боевые коты играли очень важную роль. Они первыми начинали схватку, прыжком с плеча своего соратника в лицо врагу. Боевая задача – ослепить противника, пуская в ход когти, зубы и устрашающий вой. Боевые молодые коты проходили выучку у самых опытных и знаменитых бойцов-викингов и их котов. Не только бесстрашных, но и умных воинов. Таким был Тур Рыжий, к которому ушел Берсерк в самом начале своей воинской карьеры, разочаровавшись в Эрике Бешеном.

Бойцам Эрика Бешеного мало было природной одержимости и страсти к драке. Они перед каждым походом рыскали по лесу в поисках мухоморов. Ведьма Урсула варила большой котел похлебки из сердца, печени, почек, глаз и сухожилий старого волка и молодой рыси. Добавляла туда мухоморы, дурман-траву и свежую оленью кровь.

Наевшись этого варева, бойцы Эрика Бешеного могли сражаться по десять часов без усталости, свирепо и жестоко рас-

правляясь с врагами. Они не признавали правил боя и убивали всех подряд. Своих боевых котов они тоже кормили ведьминой похлебкой, и те были неудержимы, сильны и непобедимы в бою.

Давно это было. И нет уже в живых никого из викингов, одержимых бойцов-берсерков, и их боевых котов, верных спутников и помощников в битвах. Да и сами скандинавские боги погибли, захлебнувшись ядовитой кровью мирового змея Йормунганда, который лежал на дне океана, свернувшись кольцом вокруг страны Митгард, и держал в зубах свой хвост.

Но Берсерк и Полуглазый Тим живы и здоровы, и вот теперь они встретились под древними елями. И Берсерк приготовился к броску.

– Эй ты, кусок оленьего дерьма! Убирайся вон с моей земли! – Берсерк обнажил клыки и встопорщил усы.

– Поберегись, куча засохшей мрази, мои когти готовы ободрать тебя до костей! – ответ Полуглазого Тима вполне соответствовал ритуалу. Он стоял на прямых лапах, выгнув дугой спину и опустив голову. Его уши были плотно прижаты. Хвостом он сильно хлестал себя по бокам.

– Не смейся мой хвост, тощая ободранная кошка. Еще слово, и от тебя не останется и половины твоего уродливого глаза. Убирайся отсюда! Это моя земля, и все должны соблюдать Закон!

– Берсерк присел на задние лапы и загнутым кончиком

хвоста мёл по земле, неистово расшвыривая еловые иголки направо и налево. Правая лапа была готова к первому удару по наглой морде Полуглазого Тима.

– Кто ты такой, вонючее отродье распутной матери? Сейчас я тебе напомню удар настоящего боевого кота из дружины Эрика Бешеного! – Полуглазый Тим молниеносным движением сначала встал на задние лапы, а потом в горизонтальном броске мазнул растопыренными когтями по шее Берсерка. Промазал. Берсерк успел распластаться по земле и, перевернувшись на спину, впился своими когтями-кинжалами в шею Тима. Они сцепились, пустив в ход задние лапы и пытаясь распороть брюхо друг другу. Не так-то это просто. Ни один из них серьезно не пострадал. Только Берсерку удалось вырвать изрядный кусок шерсти из шкуры Полуглазого Тима. Отпрыгнув друг от друга, они тут же начали томительно медленно сближаться, и, когда расстояние между их носами стало не больше длины сосновой иглы, оба замерли в полной неподвижности.

Глаза в глаза, уши плотно прижаты, тела на прямых ногах, как туго натянутые олени жилы. Хвосты яростно бьют по бокам, задевая землю и поднимая вихрь из старых листьев, трухи и мертвой хвои. Утробное рычание со сменой мелодии и высоты тона пресыщено агрессией. Грязные ругательства с упоминанием всех кошачьих предков по женской линии и их беспутного поведения. Оскорбление мужских достоинств противника и безудержная похвальба себе как производите-

лю и бойцу. Перевести на человеческий язык это невозможно.

Наконец Полуглазый Тим первый не выдержал затянувшегося поединка и взвыл:

– Берегись, старое тухлое мясо... Сейчас я тебя уделаю, вонючий дохлый котяра!

Он опять применил свой боевой прием и обеими передними лапами поочередно сильно ударил по щекам и шее Берсерка. На этот раз удары достигли цели, и щеки Берсерка, твердые, как камень, вздрогнули от боли. Берсерка охватила ярость. Он высоко подпрыгнул сразу на всех четырех лапах и сверху приземлился на спину Тима, вонзив ему в бока и шею свои когти-кинжалы. Этот охотничий прием Берсерк подглядел у своей приятельницы рыси Гаупе Бесхвостой, когда та охотилась на молодую косулю у Звенящего ручья, а Берсерк в это время лениво грелся на солнце, лежа на толстой ветке старой ольхи.

Такой атаки Полуглазый Тим не ожидал и пустился в бегство. А Берсерк продолжал сидеть у него на спине, вцепившись когтями, а зубами прокусив толстую кожу Тима на затылке. Тим взвыл, и это решило исход битвы. Ноги чужака подкосились, и он рухнул на землю. Берсерк соскочил с него и отошел в сторону, внимательно наблюдая и возбужденно подрагивая боками.

А Полуглазый Тим пытался подняться, уползти в спасительную щель или забраться глубоко под нижние ветви елей,

но кровь из раны на голове заливала ему глаза. Тогда он перевернулся на спину и задрал кверху лапы.

– Эй ты, дерьмо кошачье и позор своего племени, понял теперь, что Закон нарушать нельзя? Это моя территория. Чужих здесь не должно быть. Еще раз встречу – в живых не оставлю. Ты меня хорошо понял, трясушка мухоморная?

Не дождавшись ответа от Полуглазого Тима, Берсерк повернулся к нему спиной, высоко задрал хвост и пометил это место славной битвы, чтобы потом приводить сюда своих подрастающих котят и рассказывать им о собственных подвигах и боевой мощи. Привирая и безудержно хвастаясь, конечно. Это он умел.

Глава 9

Йотта-хромоножка и фру Удсен

Когда фру Удсен подошла к тому месту, где Йотта-хромоножка назначила ей встречу, она уже не могла больше сдерживать негодования.

– Нет, ты только подумай, Йотта, эта похотливая свинья, Кэйя из Нижней деревни, вчера опять увела моего мужа на Проклятое болото в дом тролля. А он, как безмозглый поросенок, которому чешут бок, поплелся за ней...

– И чего же ты хочешь от меня, Силджун?

Йотта сидела на большом замшелом камне и курила трубку с длинным, причудливо изогнутым мундштуком, задумчиво разглядывая кроны высоких елей и облака в голубом небе. Она насмешливо улынулась и перевела взгляд на тол-

стую и невзрачную Силджун Удсен, которая вспотела от подъема к Дурной сосне, и теперь отдувалась, как закипающий чайник.

– Миленькая Йотта, уважаемая госпожа Свамменхевен, – льстивым голосом начала фру Удсен, – говорят, ты можешь вернуть мужа в постель жены, если его оттуда увела распутная шлюха. Сделай это с моим Индриксом. Я тебе заплачу сто крон.

Йотта вынула изо рта трубку и еще раз внимательно оглядела Силджун. Из-под ее юбки выглядывал край грязной нижней сорочки, а фартук на объемистой груди был засален до блеска. От нее несло жареной рыбой и квашеной капустой.

– Мало, Силджун, мало... Сто крон за то, чтобы оторвать мужика от тугих грудей и жадного лона с запахом молодой рыси? И для чего же? Чтобы вернуть его в твой захламленный сарай и к твоему немытому корыту? Не-ет, Силджи, пятьсот крон, не меньше...

Йотта усмехнулась недобро и встала. Была она на голову выше низенькой Силджун и стройной, как молодая сосна, которая выросла не в компании своих подружек, а на ровном открытом месте. На ней были узкие брюки из тонкой светлой кожи оленя и накидка из синей плотной шерстяной ткани, расшитая орнаментом из длинных кожаных полосок. От нее пахло горьким багульником и тайной травой Фригг. Йотта, единственная из всех живущих в здешних местах, знала, где

растет эта трава и когда надо ее собирать. Запах травы Фригг делал любую женщину неотразимой и заставлял раздуваться от вожделения ноздри мужчин, мимо которых она проходила. Но Йотта с большой осторожностью и крайне неохотно давала женщинам маленькие тыковки с водой, в которой были растворены капли сока этой чудесной травы. Она и сама редко пользовалась ею.

– Йотта, миленькая. Ты же великая вельва, ты всё знаешь о том, что было и что будет. Скажи мне хотя бы, долго ли эта шлюха Кэйя будет держать моего мужа в доме тролля? Когда он вернется ко мне? И дай мне хоть каплю травы Фригг... Я хочу вернуть моего Индрикса...

Лицо у Сильджун покраснело и напоминало неумелый рисунок ребенка, впервые взявшего в руки карандаш. Глаза превратились в щелочки, и сквозь них пролилась злоба и ненависть. Залила толстые щеки и просочилась в рот.

– А у этой паскуды Кэйи пусть лицо покроется волдырями! Пусть она навеки останется страшной уродиной! Пусть воеет от боли, как седая выпь на болоте. Я заплачу тебе двести крон, Йотта, только помоги мне...

– Нет, Силджун Удсен, не моли и не торгуйся. Хочешь вернуть мужа, хоть на время, хоть навсегда – плати настоящую цену. Я и так делаю тебе скидку, всё же соседи мы...

– Ладно, про мужа не прошу, уважаемая Йотта. Сам вернется, как всегда возвращался... Но эту потаскуху Кэйю надо наказать. Сделай, как я прошу, – пусть станет она страшной,

с пузырями на груди и на лице! Сколько возьмешь за это?

Йотте давно уже было не вмоготу выслушивать эту злобную толстуху и смотреть на нее. Она могла одним всплеском мысли спустить ее с горки, где они встретились. Или просто лишить дара речи. Многие могла бы сделать древняя прорицательница, вёльва Йотта Свамменхевен, но не сделала... Потому что испытывала какое-то странное родственное чувство к этой грязнуле и дуре. И только ее собственная тысячетлетняя тоска по отнятой в давние времена любви удерживала Йотту от решительных действий. У этой нелепой дурищи тоже отняли любовь, отняли ее мужчину, опору и смысл ее жизни. Пусть не Великий Один, не Судьба, а простая похотливая девчонка из соседней деревни. В конце концов, это тоже ее судьба и все люди – только безглазые деревянные болванчики в руках играющих богов. И Йотта решила кое-что сделать для несчастной Силджун, а заодно и слегка охладить горячую и нетерпеливую кобылку. Ничего серьезного с ней не случится, только придется ей недельку не появляться на людях. А там пусть боги разбираются сами, оставлять Индрикса в доме Силджун или нет.

– Хорошо, Силджи, давай три сотни крон и жди своего Индрикса сегодня вечером.

– Ой, Йотта, спасибо тебе. Хочешь, я засолю для тебя бочку капусты, сейчас самое время. Или засушу грибов на зиму. Мой Индрикс, когда вернется ко мне, насобирает полный сарай боровиков и моховиков.

– Ступай, Силджи. Ничего мне не нужно от тебя. Ты заплатила свои деньги. Иди и готовься к встрече мужа. Вымой хотя бы голову да смени платье и нижнее белье. И фартук не забудь снять, когда увидишь его на дороге к дому.

Глава 10

В доме тролля Трумпа на Проклятом болоте

Обычный ежедневный маршрут Берсерка заканчивался на Проклятом болоте, в доме тролля Трумпа. В это лето там было пусто и тихо, Трумп давно переселился в другое место. Тролли любят переезжать с квартиры на квартиру по несколько раз в год.

Иногда красивая девушка Кэйя из Дальней деревни приводила в пустой дом своего мужчину, каждый раз другого. Берсерку это нравилось, он любил разнообразие в жизни. Обычно, пока Кэйя и ее мужчина занимались любовью, Берсерк лениво лежал на пороге дома и думал о людях. Ему нравилось иногда думать о них, и ему было их жаль. Какие они слабые, неуклюжие и безобразные – голые или одетые. Одетые, пожалуй, еще ничего... И сила их не в когтях и зубах или быстром беге, а в железном оружии. И любовь у них скучная.

Берсерк давно живет на свете, и в его жизни бывало всякое. Видел он, как недолго сопят и дергаются под теплым одеялом муж с женой, а потом быстренько засыпают и храпят до рассвета. Не то, что он, Берсерк. Его любимые кошки ни минуты не знают покоя, когда он полон сил и желания. Да

и сами они постоянно задирают хвосты и выставляют зады, призывая его к любви. Вот это настоящая жизнь, и котята у него получаются один другого лучше...

Теплая желтая листва под мощными лапами Берсерка напомнила ему о скорой зиме, о том, что надо его белую ласковую скромницу, которая вот-вот принесет котят, пристроить гденибудь на зимовку. Она так бесстрашно отправилась с ним в любовное путешествие из обжитого уютного дома и была ему верной подругой в охоте, несмотря на свое домашнее воспитание. Возвращать ее в родной дом вместе с потомством – это против строгих правил Берсерка. Нет, он несет полную ответственность за своих детей и их матерей. Вот сейчас проверит дом тролля и приведет ее сюда. Здесь безопасно.

Сам он, бывало, жил и в деревенских домах, в суровые зимы или когда был не вполне здоров. Хотя, если честно, болел он только один раз. Когда же это было? А, вспомнил... Это было как раз одной лютой зимой, когда в лесу замерзли все животные, никакой добычи не было, даже мелкой рыбешки, потому что обычно не замерзающий Звенящий ручей в тот год промерз до дна. Вот тогда он с голодухи и сожрал эту отравленную мышь около дома почтенной старушки фру Андерсен. Она его и подобрала, полумертвого, и отругала за поспешность.

– Ах, какой ты дикарь, Берсерк. Не мог подойти еще на пару шагов к дому и хотя бы позвать меня, если сил в лапах

уже не осталось, чтобы постучать в дверь. Ведь знаешь, что в моем доме всегда для тебя есть сметана и сырники. И что мне с тобой теперь делать? Ведь помрешь ты скоро. Яд сильный был... Из Осло мне внуки привезли. Не то, что Йотта в прошлый раз давала. От ее зелья мыши просто заснули, и я их закопала в землю. А потом они проснулись и выбрались из-под земли. Нет, не верю я Йотте-хромоножке, она посмеялась надо мной.

Так, болтая всякие глупости, старушка втащила тяжелого кота за задние лапы в дом и пыталась влить ему в пасть воды из деревянной ложки. У нее ничего не получалось, она злилась на Берсерка и только теряла время.

Но Берсерка так скрутило, что только Йотта-хромоножка, древняя ведьма с той стороны озера Эль-явр, могла спасти ему жизнь. Это знали все в округе – фру Йотта Свамменхевен никогда не отказывала в помощи пострадавшим животным. Почтенная престарелая фру Андерсен тогда сама на санках отвезла его, завернутого в оленью шкуру, к дому Йотты и постучала в дверь. А потом быстро ушла, она не любила встречаться с прорицательницей.

Подойдя к дому тролля, Берсерк увидел, что дверь открыта, и это означало, что Кэйя со своим мужчиной внутри, и они заняты своей любовью. Берсерк развалился на пороге, посмотрел на парочку, которая устроилась на большом топчане тролля, и дружелюбно заурчал, мысленно помогая Кэйе расшевелить стеснительного партнера.

Может его помощь помогла, а может и мужик сам воодушевился, но в конце концов они благополучно добрались до вершины своего тайного и недолгого блаженства. Тогда Берсерк вошел в дом и бесцеремонно запрыгнул на стол. Он знал, что Кэйя никогда не приходит с пустыми руками. Так было и на этот раз – кусок зажаренной домашней толстой курицы мгновенно исчез в его пасти и он, облизываясь и растягивая тело, улегся на широкой деревянной скамье, покрытой истертой шкурой медведя. Похоже, медведь этот жил еще в те времена, когда Берсерк проходил выучку в дружине Тора Рыжего.

– А, котик, ты пришел? – весело пропела Кэйя и, не одеваясь, подошла к нему, чтобы почесать за ушами и погладить его раздувшееся брюхо. Берсерк позволял ей это делать. Она была бесхитростной и ласковой девушкой. И в ней скопилось слишком много разной любви – так понимал Берсерк.

– А у меня новый парень, котик. Его зовут Индрикс. Он тебе нравится?

– С чего это мне он должен нравиться? Мужик как мужик. Голый, безволосый и плечи узкие. К тому же у него, наверное, жена имеется. Вот найдет вас и выдерет тебе волосы. А кстати, вот у Тора Рыжего была шерсть на башке, как на заднице у медведя весной – густая, плотная, свалывшаяся. Ему и шлем не был нужен. И мне было удобно сидеть у него на голове, чтобы к броске подготовиться.

– Ой, котик, как ты начинаешь вспоминать своих викин-

гов, мне скучно становится. Глупый ты зверь, нет их давно на свете, а может и вообще сказки все это. Кэйя хлопнула Берсерка по животу и слегка потянула за хвост. Он шутиливо ударил ее лапой, оставив несколько кровавых полосок – не рассчитал удара от своей великой сытости и лени. Расслабился старый боец. Кэйя вскрикнула и голая выскочила вон из дома, чтобы сорвать листок подорожника и залепить царапины на руке.

Почти сразу же раздался ее крик, а потом громкий отчаянный плач. Берсерк одним прыжком вылетел в дверь и увидел сидящую в зарослях дикой жгучей крапивы Кэйю. Ее руки, плечи, грудь и живот покрывали огромные водянистые пузыри, на исцарапанной руке застыли капельки крови. На лбу и щеках горели жаром крапивные поцелуи. Она громко плакала и безнадежно причитала:

– Что теперь мне делать, как я покажусь с таким лицом в деревне. Несчастливая моя судьба... И кто бросил перед порогом скользкую змеиную шкурку, и откуда вдруг выросли корни в этом месте? Не иначе, как тролль хочет вернуться, вот и колдует...

Берсерк убедился, что она жива и ничего себе не повредила. Это было важно. А пузыри и мелкие царапины – какая чушь... Глупы эти женщины. Но все же он подошел к ней и боком потерся о ее ногу. Задрал было хвост, чтобы поставить охранный знак на этом месте, все равно надо будет потом метить территорию, но тут увидел Йотту-хромоножку и

воздержался. Успеется...

– Ну что, ободранный половик, все еще хозяйничаешь в лесу?

– Послушай, вельва, не задирай меня, ступай по своим делам. Я тебе не мешаю...

– Да не нужен ты мне, лохматый разбойник, – усмехнулась Йотта-хромоножка и повернулась к сидящей на земле голой девушке. Протянула ей тонкую, но сильную руку с браслетом из маленьких серебряных колокольчиков и помогла встать на ноги. Колокольчики зазвенели, и на их звон отозвалась какая-то птица в лесу. Она оглядела оценивающим взглядом с ног до головы грязную зареванную Кэйю, покрытую волдырями, которые уже начали краснеть и кровоточить. И вдруг прорицательница, древняя вельва Йотта-хромоножка расхохоталась неожиданно весело и добродушно.

– Ох и хороша ты, моя милая, замечательно выглядишь. Особенно лицо и грудь. Красивая грудь... Ты здесь одна? Пришла крапиву собирать для бани? Или тролль обещал вернуться и обманул? А ты уже и раздеться успела... Да, не повезло тебе в этот раз... Но не плачь, я помогу тебе. Позже, когда время придет....

Бедная Кэйя стиснув зубы, терпела боль и насмешки Йотты, пока они обе поднимались по ступенькам в дом тролля. Индрикса внутри не оказалось. Он давно уже бежал по тропинке к своему дому, где его ждала жена Силджун с увесистой деревянной лопаткой для теста в одной руке и куском

жареной зайчатины в другой. Платье и фартук она сменила, а нижнее белье не надела вовсе.

Глава 11

Троль Трумпа и Хильда

Рожа тролля Трумпа лоснилась, как дно столетнего кофейника на очаге старушки фру Андерсен. Она его принципиально не мыла и запрещала остальным это делать. Долгий переход к дому на Проклятом болоте Трумпа нисколько не утомил.

День уже на исходе. Вот скоро закончится тропа, потом крутой спуск через Мокрый лес к Звенящему ручью, а за ним и Проклятое болото. Там он и зазимует. Хватит бродить по горам и лесам, навещать родственников, лето кончилось, пора готовиться к отдыху и развлечениям. Его смена по охране пещеры в горах Йотунхейма, где хранится золото викингов, теперь только следующей весной.

Входы в пещеру уже завалило пятиметровым слоем снега, Трумп сам проверял и расставлял железные удавки, капканы и Чуткие камни. Весной там такая знатная вонища будет от трупов этих дураков, которые всё же позарятся на золотишко... И Трумп грубо заржал на весь лес, так ему стало приятно от собственной хитрости в устройстве западни.

Всё хорошо складывается в жизни. И домик у него есть, хороший такой домик на болоте, и две деревни рядом. Жратвой и бабами он себя обеспечит. Трумп похотливо облизнул губы, потряс лохматой башкой и когтями почесал заросли

свалявшейся шерсти на животе.

И тут он услышал женский плач и выкрики, а выйдя на площадку над озером, увидел и женщину, лежащую на земле. Реакция Трумпа была молниеносной. В ту же секунду он навалился на Хильду и попытался найти и задрать подол платья, чтобы овладеть ею. Увы, удача прошла мимо него. Платья на ней не было, а джинсы были сшиты из настоящей парусной ткани и плотно облегли ноги и живот. Дикий тролль в первый раз встретился с женщиной, на которой были бы такие прочные штаны... И немного ослабил свой пыл. А Хильда успела согнуть ногу в колене и сильно ударила его, целясь прямо в мерзкий живот, точнее, в низ живота. Попала. Трумп прорычал какое-то проклятие на своем языке, откатился и приготовился к новому прыжку, теперь он намеревался ее слегка придушить, а потом разбираться с ее штанами. Но ему помешали...

Тонкий свист трости, обжигающая боль в глазах, и ослепший тролль Трумп, натываясь на стволы деревьев и камни, на четвереньках уполз в сторону обрыва. Не видя ничего вокруг и воя от нестерпимой боли, он выполз на край и свалился к скалистому подножию утеса. Только его дикий вой нарушал красоту вечера, но вскоре и он затих.

Фру Йотта Свамменхевен брезгливо вытерла конец своей трости о траву и прислонила ее к большому камню. Потом вынула из яркой кожаной сумки кисет с табаком, трубку причудливой формы с очень длинным мундштуком и обыкно-

венную зажигалку. Раскурила трубку, изящно выпуская дым, и спросила Хильду, как будто они давно знакомы и случайно встретились здесь, в сумерках над озером Эль-явр:

– Скажи, у тебя есть мужчина, которого ты любишь?

– Нет, то есть... как бы есть, но я еще не знаю, люблю ли я его!

– А ты не хочешь его приворожить, привязать к себе?

– Нет, нет, что вы, я не хочу, чтобы он был как привязанный кролик. Пусть он сам меня выберет и поймет, что я ему нужна...

– Ах, вот как! Удачи тебе, девочка. А ведь я могла бы помочь тебе. Ты знаешь меня?

– Нет, не знаю, но, кажется, догадываюсь. Вы Йотта-хромоножка?

– Этот старый просоленный лодырь Оле Мортенлин прозвал так меня когда-то, из-за моего колена, оно не очень хорошо сгибается. Не повторяй его шкиперские словечки, девочка. Меня зовут фру Йотта Свамменхевен, я живу в этих местах уже много тысяч лет и знаю всё, что было и что будет. Я видела, как из-за глупости и самолюбия богов разрушались миры, а из-за глупости и неверия людей погибали их боги. И мне уже неинтересно жить, а последняя тысяча лет – просто печаль и тоска.

Сказав всё это, Йотта взяла трость, и она тотчас засияла ярким огнем, осветив лесную тропинку.

– Ты не боишься темноты, девочка?

– Только иногда, если очень поздно возвращаюсь домой, – Хильда смущенно покосилась на Йотту-хромоножку, – или если ночью приснится ужасный сон.

– В лесах вокруг Эль-явра бояться никого не надо, ни днем, ни ночью. Троль Трумп не вовремя вернулся на зимовку, – Йотта недобро усмехнулась, – и теперь, если выживет, а тролли живучие, приползет к Оле и будет умолять сделать ему деревянную коляску, чтобы заставить какого-нибудь совсем уж паршивого тролля возить себя.

Спуск к озеру был непростым: по широким каменным плитам, покрытым толстым слоем влажного мха, который то и дело пытался ускользнуть из-под ног. Надо было внимательно смотреть под ноги, чтобы вовремя разглядеть следующую ступеньку. Лес вокруг замер в полной темноте, и только светящаяся трость вельвы Йотты-хромоножки освещала им путь.

– Осторожно, девочка, здесь надо прыгнуть с высокого камня.

Хильда послушно прыгнула и ойкнула, поскользнувшись на шишке, но удержалась на ногах, а Йотта хитро улыбнулась ей, взмахнула своей тростью и растворилась в воздухе. То есть не полностью растворилась, а плавно взлетела и уплыла. В сторону противоположного берега.

Хильда только сейчас догадалась, что тот странный дом с крышей, вросшей в землю, принадлежит ей, прорицательнице, вельве Йотте Сваммехевен. Именно этот дом она ви-

дела во сне, только сверху. И ту кривую сосну на скале. Значит, всё это правда. И вот она добралась до этого места. Берег озера Эль-явр и водопад Перерождений. И правдой было всё, что рассказывал Лукас о своей прапрабабушке, Снежной ведьме. И самое главное, Артур совсем не смеялся над ней... И Хильде стало немного стыдно, но очень радостно и остро-горячо в сердце...

Глава 12

Хильда знакомится с Берсерком

Была уже ночь, но в свете большой желтой луны, которая тыквой висела над озером, всё было видно очень хорошо. И берег озера, на который вышла Хильда, и прибрежную поляну с нарядным домом. Он был совсем другой, чем тот, старый, на другом берегу, который она видела во сне.

Веселый и легкий, Дом стоял на расстоянии метров тридцати от воды. Деревянный, из ярко-желтых бревен, с маленькой мансардой под оранжевой черепичной крышей. К мансарде вела наружная лестница с массивными перилами и удобными широкими ступенями. Рамы окон и дверь выкрашены ослепительно яркой белой краской – чтобы злые духи не могли проникнуть внутрь. От маленького крыльца с тремя ступеньками гранитная дорожка вела к воде и продолжалась в виде мола, который уходил далеко в озеро. На его конце виднелась большая скамья на толстых ногах, и к ней была привязана лодка.

«А ты откуда взялась? Никогда тебя не видел раньше. Те-

бя эта старая ведьма привела, что ли?»

Гигантский, размером с некрупную собаку, и очень лохматый кот, задрав хвост, вышел из леса позади Хильды. Он остановился шагах в пяти от нее и замер, шевеля длинными густыми усами и подрагивая кончиками ушей. Хотя, строго говоря, кончиков его уши не имели, так как по краям были надорваны и выглядели, прямо скажем, неопрятно. Но кота это нисколько не волновало. Он, урча басом и медленно делая короткие шаги, иногда замирая на месте, всё же подошел вплотную к Хильде.

«Ладно, чего тут стоишь, как старый мышь Пуззихельд перед лужей воды. Иди в дом, открой мне дверь. В этом доме всегда полно вкусной еды, только он редко бывает открыт... Давай, двигайся, жрать охота... Сегодня дел было много, не успел поохотиться...» И кот, повернувшись задом к Хильде, оглянулся на нее через плечо, и неспеша стал переходить травянистую лужайку между опушкой леса, где стояла Хильда, и домом.

Дом, казалось, был готов к приему гостей. Огромный холодильник, набитый продуктами, большой посудный шкаф, широкий топчан, на котором могли разместиться человек пять. Посередине большой комнаты стоял массивный деревянный стол на шести основательных ногах, сделанных из ствола молодой сосны. Его поверхность слепила глаза желтизной и глянцем. Настоящая дровяная плита с вмазанным в нее котлом для воды была вычищена, дрова в топке сложены

и даже длинные спички лежали на низенькой скамеечке.

Хильда с любопытством разглядывала, открывала дверцы шкафов, щупала толстые шкуры на топчане, провела рукой по крышке стола и ощутила легкую вибрацию дерева. Ей тут очень нравилось, она успокоилась после приключений долгого дня. И она устала, захотелось спать.

«Эй, ты чего это? А жрать? Давай не ленись, открывай этот железный шкаф и достань кусок мяса. Налей сметаны – я всегда в этом доме ем сметану, чтоб ты знала на будущее...»

Хильда, посмеиваясь про себя, выполнила все приказы наглеца. А тот, урча грубым басом, вылизал большую деревянную миску со сметаной, разжевал и проглотил, правда, с небольшим усилием, кусок мяса величиной с кролика и теперь сидел перед дверью в сытой созерцательности и, щуря глаза, разглядывал Хильду.

И только сейчас она увидела, что этот странный гигантский кот, наглый и властный, имеет окрас обычного городского помойного бродяги: серо-песочный с темными полосками – и обыкновенные кошачьи глаза желтого цвета. Только вот зрачки у него были полулунной формы. Когда он переводил взгляд – как будто два черных тонких полумесяца на желтом небе поворачивались рожками то в одну сторону, то в другую.

Она подошла к коту и протянула руку, чтобы почесать ему шею, как домашней кошке. Это было ошибкой и торжеством

простенькой житейской истины – не мерь всех своей меркой...

Реакция кота была мгновенной, правая лапа взвилась в воздух, блеснул веер когтеножей, и рука Хильды от локтя до запястья украсилась пятью окровавленными полосами. Она вскрикнула и, стряхивая капли крови с руки, обиженно и возмущенно сказала:

– Какой же ты негодяй, дикарь и неблагодарный зверюга! Я тебе не сделала ничего плохого, впустила в дом, покормила, дала всё, что ты хотел, а ты...

«А я тебе не домашний пыльный тюфяк. И нечего протягивать ко мне руки, не люблю этого... Кстати, когда будешь меня звать, чтобы угостить рыбой или курицей, крикни просто в лес – Берсерк! – я услышу».

– Тебя зовут Берсерк? Говорят, они специально перед боем ели мухоморы, чтобы стать совсем злыми. Ты тоже ешь мухоморы? И потому такой злой?

«Не пори чушь, не ем я мухоморы, а имя я получил еще тысячу лет назад, когда начинал служить в дружине Эрика Бешеного. Вот славное было времечко!»

Берсерк всё еще сидел у двери и был готов погрузиться в воспоминания о своей боевой службе. А Хильда нашла в глубине огромного посудного шкафа пузырек с черной жидкостью, на котором была нарисована рука с царапинами – то, что ей и требовалось сейчас, – и промыла раны на руке.

Удивительно, но уже через минут пять кожа стала чистой

и гладкой. Она только удивленно покачала головой и улыбнулась своим мыслям. Ей очень нравился этот дом, и этот наглый Берсерк, и Йотта-хромоножка... Неслучайно она сюда попала, наверное...

Берсерк еще не успел углубиться в свои воспоминания, как снаружи донеслись собачье рычание и звонкий лай. Ай-ка со своими щенками сидела перед крыльцом и требовала, чтобы их впустили.

«Всё, открывай дверь, мне пора», – Берсерк встал, потянулся всем туловищем, выгнув дугой спину и вытянул по очереди передние лапы вперед, а задние – назад. Мощно встряхнулся и в нетерпении ударил лапой по двери.

Хильда открыла дверь, и в дом тут же вкатились два щенка Айки, а сама она осталась стоять на крыльце. Берсерк легко и небрежно перепрыгнул через всё собачье семейство, мягко приземлился на гранитную дорожку и не торопясь, расслабленно свесив свой толстый хвост, двинулся к берегу озера. Напиться воды. Не пройдя и полпути, он остановился, помотрел через плечо на Хильду, которая стояла на верхней ступеньке крыльца, и хрипло проурчал: «Эй, а тебя как зовут?»

– Мое имя Хильда. Если ты наступишь ночью в лесу на ежа, позови меня, я прибегу и помогу тебе. Я теперь умею лечить лапы, ты помог мне найти волшебное средство... – Хильда засмеялась и закрыла дверь.

Глава 13

Оле Мортенлин пришел к Хильде знакомиться

Ничего не снилось Хильде в эту ночь, и она проснулась счастливой и сильной. Солнце, жаркое оранжевое солнце затопило комнату, лужайку перед домом, горы и все еловые и сосновые леса озерного мира. Озеро Эль-явр сверкало, блистало, звенело, и суетливые маленькие волны сплетничали на его берегу.

Хильда стояла на крыльце босиком, в коротенькой сорочке и потягивалась, закрыв глаза и закинув руки за голову. Она могла бы так стоять долго в ласковом солнечном тепле, нежась телом и созревая душой. Ведь именно в эти редкие мгновения, когда человек ощущает, что он полностью счастлив, его душа делает шаг вперед и вверх.

И только поднявшись на следующую ступень, мы понимаем свое прошлое. Вчерашнее или тысячелетнее. Понимаем не умом, душой. А потом опять забываем. Люди так забывчивы и оттого бродят в растерянности по лабиринтам своих Судеб. А Боги развлекаются, заключают пари и иногда подсказывают правильный путь. С помощью снов, животных и других людей...

– Доброе утро, Хильда! Как спалось? Не досаждал тебе этот грубиян Берсерк? Я встретил его сегодня на рассвете, он ведет свою белую домашнюю скромницу и ее котят сюда, к тебе. Решил, что тут безопаснее и сытнее, чем в доме тролля Трумпа на Проклятом болоте. Знаешь, резвый Хоппер шепнул мне на ухо, что Трумпа кто-то здорово отделал, и он всю

зиму будет отлеживаться на своем болоте. Так что готовься принимать кошачью семью, Хильда.

Высокий крепкий мужчина со шкиперской бородкой, седой, синеглазый и загорелый, стоял за большими камнями с левой стороны лужайки. Морской форменный китель был небрежно расстегнут, и под ним сверкала белизной сорочка. На голове ловко и задиристо сидела кожаная кепка с длинным козырьком и высокой тульей, на которой красовалась золотая эмблема Гильдии Моряков.

Ночью Хильда пришла с другой стороны и не заметила, что в сплошной стене леса есть проход, от него начинается тропа. Это дорога в деревню Тиммерхавн. Оттуда и появился этот моряк. Он, щурясь от солнца, с улыбкой посмотрел на полураздетую смущенную Хильду и хрипловатым голосом продолжил:

– Не смущайся, девочка, я подожду тебя здесь, около очага, поиграю со щенками, поговорю с Айкой, ведь это ты ее так назвала, раньше у нее не было имени...

Он уселся на одном из камней. Айка тут же пристроилась рядом и лизнула его в лицо. Щенки, повизгивая и огрызаясь друг на друга, тянули его за пальцы, нападали на крепкие кожаные башмаки и по-взрослому грызлись за право быть поднятым за шкуру и устроиться на широких коленях.

Оле Мортенлин, а это был именно он, достал из кармана плоскую дощечку и небольшой ножик и стал вырезать узор. Под острым лезвием возникали плавные линии узких

листьев стрелолиста, а рядом с ними крупные выпуклые виноградины готовы были взорваться сладким соком. И так искусно Оле работал, что казалось, будто резец в его руках рисует по дереву сам, без пальцев Оле и без его силы.

Пока руки Оле Мортенлина творили красоту, он задумался. На днях он встретил в лесу молодую ведьму из коммуны Сюрфрон. Она в слезах возвращалась от Йотты-хромоножки и не удержалась, рассказала Оле свою историю.

Случилось так, что к этой молодой ведьме обратилась женщина из Осло, очень современная и деловая. Она просила о помощи ее любимому, который живет в далекой стране на юге, может быть, даже на границе Мира огня Муспельхейм. Она просила послать ему удачу и сделать так, чтобы у него купили его большую картину, где он нарисовал Водопад Ведьм, хотя сам его никогда не видел. Да и сама эта женщина не знает, где он находится. Просто выдумка талантливого художника. Ведьма всхлипнула и вновь залилась горькими слезами.

– Ну, ну, успокойся, высморкайся, – вот мой платок и продолжай, – сказал ей Оле Мортенлин, сын Бьорна Магнуса Таденлика. Его интересовало всё, что было хоть отдаленно связано с Йоттойхромоножкой, его давней, тайной и несбыточной мечтой...

Сам Оле не помнил, когда он впервые увидел и полюбил эту высокомерную и надменную вельву. Она была всегда в его сердце, может быть, уже несколько жизней подряд он лю-

бил ее, но никогда она ему не принадлежала.

Она вообще не принадлежала никому. Никому, кроме своего Аса Бальдра, сына Фригг и Великого Одина. Его и не может забыть до сих пор, уже больше тысячи лет она живет в великой тоске, вспоминая его веселый и добрый нрав, светлую душу и страстное горячее тело.

А Оле Мортенлин из-за нее не женился, стал моряком, уходил на годы в дальние плавания, подальше от деревни Тиммерхавн и фру Йотты Свамменхевен. В какой-то жизни был пиратом, в другой – губернатором Исландии. Побывал и начальником флотилии викингов, которые разбойничали на балтийских берегах в стране куршей и ливов.

Молодая ведьма шумно и мастерски высморкалась в большой полосатый платок Оле и продолжила, горестно всхлипывая:

– Ну вот, я и попросила, чтобы Духи предков собрали Большой Тинг и помогли тому мужчине из страны огня Муспельхейм. Чтобы он продал картину и чтобы стал богатым. Так просила меня та женщина из Осло.

– А Духи что сказали тебе? Что решил Большой Тинг?

– А они отказались. Совсем отказались. Они много говорили, и спорили, и мучили меня вопросами, а я совсем не знала, что им отвечать...

– О чем они спрашивали тебя?

– Сначала они спросили: за деньги или от сердечной доброты я хочу помочь той женщине. Я сказала, что просто хочу

помочь, чтобы она стала немножко счастливей. Мне показалось, что она любит этого художника, но потеряла надежду быть рядом с ним. Пусть он ее тоже полюбит. И пусть они будут счастливы вместе. Ну, и конечно же, она мне заплатила, ведьмы не могут работать бесплатно. Так нас учат...

– О чем еще спрашивали они тебя?

– Совершала ли я обряд приворота. Я ответила, что меня об этом не просили. Они сказали, что это хорошо. А потом стали выпытывать, что я знаю о продаже картин, аукционах, банках и акциях. А я ничего этого не знаю. Я простая ведьма из деревни, моя бабушка была ведьмой, и ее бабушка тоже.

– Достаточно, милая... Что же сказал Большой Тинг, и зачем тебе понадобилась фру Йотта Свамменхевен?

Тут молодая ведьма вновь залилась слезами. Утираясь фартуком, а заодно и сморкаясь в него – платок Оле уже промок – она прорыдала:

– Они сказали, что я глупая недоучившаяся ведьма, что я отстала от жизни лет на пятьсот или даже на тыщу, не умею читать прошлое людей по их ладоням и воздуху вокруг них и потому соглашаюсь на дела, в которых ничего не смыслю, и беру за них деньги. И даю обещания, которые не могу выполнить. И сама даже не могу понять и оценить, какая я невежественная и тупая. Они много наговорили мне обидного, а потом сказали совсем непонятное... Но я запомнила всё до словечка, у меня же профессиональная память, – она впервые улыбнулась и оттого похорошела.

Оле внимательно посмотрел на нее и тихо попросил:

– Попробуй точно вспомнить, что именно... – и отвернулся от нее, чтобы не смущать своим пристальным взглядом. Страдалица задумалась на минуту, а потом, закрыв глаза, тихо и неуверенно произнесла, как заученное на незнакомом языке заклинание:

– Сейчас Мир людей и Мир духов проходит очередной этап трансформации. Все прошлые связи изменяются или разрушаются. Тот, кто был предком в прошлой жизни, может стать любовником в нынешней, но это нарушение Закона. Древнее колдовство не работает, новое не существует. Знаки Судьбы тоже меняются и искажаются. Если Водопад Введьм из нашего мира проник в голову человека иного мира, и он его нарисовал, это означает, что наступает время Великого Смещения. В такие времена заклинания удачи и любовные привороты особенно опасны... Та женщина из Осло – его далекая родственница, основательница его рода. Судьбу человека может изменить только Вершитель Судеб, но он соскучился и сейчас развлекается. Дурные времена...

Оле Мортенлин выслушал молодую ведьму и мягко спросил ее:

– Ты, конечно, всё это пересказала Йотте-хромоножке... и что же она посоветовала тебе?

– Она так строго со мной говорила и сказала, что раз я такая неумелая и такая дура, что не могу учиться новому и не могу даже понять, о чем сказали Духи Тинга, то мне на-

до в ближайшую пятницу бежать к Водопаду и попробовать начать жизнь сначала.

Ведьма шмыгнула носом, и губы ее искривились в беззвучном плаче.

– Ну, ну, прекрати призывать сырость. Грибы в этом году и без тебя уродятся. Продолжай. Оле терпеливо ждал, пока неудачница справится с приступом обиды.

– А еще она сказала, что, может быть, мне выпадет судьба стать матерью пяти поросят или козлят. А я не понимаю, что я сделала плохого и я не хочу прыгать в Водопад, – и молодая ведьма вновь залилась слезами.

Оле Мортенлин пробормотал что-то очень тихо и неразборчиво, улыбнулся, вздохнул и погладил ее по голове.

– Иди домой, милая, и не ходи к Водопаду в эту пятницу. Фру Йотта Свамменхевен пошутила, у нее было плохое настроение. Ты еще научишься помогать людям в их маленьких неприятностях, а уж посылать удачу или менять судьбу человека и впрямь не твое дело...

Пока Оле Мортенлин сидел на камне, тормозил щенков Айки и вспоминал свою встречу с молодой ведьмой, Хильда оделась, приготовила завтрак и пригласила Оле в дом.

Они сели за стол и славно поговорили о разных вещах, не забывая о копченой курице, соленых грибах и жареной картошке. Потом Оле достал свою дощечку, резец и продолжил вырезать узоры, не прекращая разговора с Хильдой.

Пальцы Оле и крепкие загорелые кисти рук работали лов-

ко, красиво и стремительно. Казалось, не они управляют резцом, а сам инструмент тянет и ведет их за собой. И когда появлялась на свет еще одна спелая ягода или нежный лепесток, инструмент замирал, а пальцы любовно гладили, протирали и нежно ласкали поверхность дерева, а потом тоже замирали в восхищении перед совершенством своего творчества.

– Как это у вас ловко получается! – Хильда не отрывала глаз от дощечки, на которой уже появился фантастический букет растений.

– Это не только я делаю. Это мой Могакан Гор-цик, – и Оле Мортенлин осторожно и трепетно провел лезвием своего ножика по раскрытой ладони. – Пару лет назад он мне попался на глаза в дедовом сундуке со всяким барахлом из Стамбула. Завернут был в кусок шелка. Тряпка вся истлела, я и хотел ее выбросить. А там он оказался. Посмотри, у него ведь имя есть, видишь, на ручке вырезано, – и Оле, держа свой резец за лезвие, показал Хильде красивый орнамент на деревянной ручке ножа.

– Это разве буквы? – удивилась Хильда, хотя что-то ей показалось знакомым в линиях орнамента.

– Сам-то я в этом не понимаю, но один знающий человек прочитал и сказал, что это какой-то древний армянский алфавит. И что имя его – Могакан Гор-цик, то есть резец Волшебника. Тогда и начал я резать деревяшки, а до того и в мыслях не было.

– А как он в сундук дедов попал?

– Точно не скажу, но вспомнил потом я рассказ деда моего, шкипера торговой шхуны Магнуса Таденлика. О его приключениях в Стамбуле...

Их беседу прервало хриплое урчанье Берсерка. Он появился на пороге не один, а в сопровождении беленькой чистенькой кошечки с голубыми глазами. У нее в зубах пищали два котенка. Остальные остались на траве перед домом.

Берсерк, не обращая внимания на Оле и Хильду, подвел свою подругу к деревянному ящику под широкой лавкой. Там она и устроила котят, заботливо облизав их. Потом отправилась за оставшимися на улице.

Когда все котята были уложены в ящик, Берсерк буркнул Хильде, проходя мимо и задев ее хвостом: «Накорми моих детей и их мать, я должен отлучиться по делам. Что-то старый вонючка Гревлинг засуетился, не собирается ли он переселиться в другое место, мне надо знать».

На Оле Мортенлина Берсерк не бросил даже мимолетного взгляда. И не подошел к нему. Когда за Берсерком закрылась дверь, Оле расхохотался и рассказал Хильде о своих непростых отношениях с этим заносчивым старым разбойником.

Всё оказалось просто – деловое соперничество. Кто хозяин лесов вокруг озера? Конечно, он, Берсерк. Тогда почему Оле Мортенлин называется смотрителем округа Эль-явр? Это несправедливо. Таково было мнение Берсерка. Впрочем, никого из людей не интересовало мнение лохматого,

грубого и весьма потрепанного жизнью лесного норвежского кота. Только Оле Мортенлин и вельва Йотта Свамменхевен подсмеивались над ним. Но Берсерк с достоинством переносил эти мелкие неприятности.

Внезапно стало темно. Солнце неохотно набросило на себя облачную шаль, и сильный ветер прокричал что-то оскорбительное соснам и елям. Они отозвались жалобным скрипом и бессильным стоном.

Хильда испуганно взглянула на Оле Мортенлина и вскочила, чтобы успеть закрыть дверь. Она с такой силой билась о стену дома, как будто хотела немедленно взлететь по призыву этого дикаря-ветра.

Оле подошел к окну. Снаружи бесчинствовал ураган. На озере вздулись бугры свинцовой воды. Корни деревьев едва удерживали их в почве. А зеленые колючие кроны и золотистые стволы сосен отчаянно и безнадежно стремились отдать себя бунтующему воздуху, пусть и ценой собственной скудной деревянной жизни.

Оле оценивающе посмотрел на бугристое озеро, небесную мешанину облаков и вихри наземного жалкого мусора.

– Да, восточный, сила двенадцать баллов. Рыбакам из Тиммерхавн не успеть укрыться. Надеюсь, что Бог Тор недолго будет буянить. Хотя, если его разозлила Йотта-хромоножка, может и беда случиться, – пробормотал он себе под нос и решительно надел свою кожаную кепку.

– Неужели вы уходите? Смотрите, там же ужас что творит-

ся! Вас унесет ветром! – Хильда изумленно раскрыла глаза и прижала руки к груди.

Оле Мортенлин подошел к ней, ласково поцеловал сначала руку, а потом звонко и задорно расцеловал в обе щеки. Его синие глаза были полны смеха и нежности.

– Девочка, ты же такая храбрая. Не испугалась неизвестной дороги, одолела мерзавца Трумпа, приручила этого грубияна Берсерка. Неужели ты думаешь, что бывалый шкипер Оле Мортенлин трусливее тебя? Да я тысячи раз проводил свои корабли по узким шхерам, где не разойтись двум оленям, и смеялся над этим неуклюжим Тором, который треплет наш мир, как щенок тряпку. Он, конечно, силен, а Оле Мортенлин умнее его. И удачливее... Так решил Повелитель Судеб, Одноглазый Один.

«Удивительно и непонятно!» – подумала Хильда, но уверенные слова Оле ее успокоили. Она смущенно улыбнулась:

– Тогда удачи вам и попутного ветра!

Шкипер расхохотался:

– Уж о попутном ветре позабочусь я сам! – похлопал руками по карманам, быстрым взглядом окинул стол и открыл дверь.

Вместе с плотным влажным клубом ветра в дом вкатились щенки Айки и сразу забились под стол. Сама Айка осталась снаружи. Она широко расставила мощные лапы, удерживаясь под порывами ветра, а ее густая шерсть волновалась, то прилегая к телу, то вздуваясь толстым панцирем, словно ее

грубо причесывали невидимым гребнем.

– Эй, красавица, я готов! Вперед, милая, на ту сторону озера. Пойдем через Звонящий ручей! – крикнул с крыльца шкипер Айке и, круто наклонившись навстречу ветру, шагнул сразу через все три ступеньки вниз.

Через пару секунд человек и собака были словно смыты внезапным ливнем и исчезли в плотной стене леса. Ветер немного утих, но дождь стегал струями по крыльцу, стенам и стеклам окон.

Хильда уже давно промокла, но оставалась на крыльце и, запрокинув голову, ловила губами тугие водяные нити. Радостная переполненность души и глубокое понимание правильности своего, пока еще короткого, пути – вот что принес ей внезапный ураган в мире озера Эль-явр. Постояв еще немного под дождем, она вдохнула до боли в груди, зашла в дом и плотно закрыла дверь.

Глава 14

Зеркало Истины

Ураган пронесся над миром озера Эль-явр, но никто не пострадал. Сосны и ели пришли в себя и отдыхали, отряхивали воду с иголок. Барсук Гревлинг уже успел вытолкнуть из норы мусор, который принесли с собой потоки дождевой воды, и теперь просушивал помещения. Он вежливо поздоровался с Оле Мортенлином, а от взгляда Берсерка так взволновался, что непроизвольно выпустил струйку вонючей жидкости из-под хвоста – от страха. Ведь барсуки зако-

но послушны, места жительства не меняют, едят всякую лесную мелочь: стрекоз, бабочек, мелких змей да лягушек. А пускать вонючую струю Гревлинга научил один старый хорек, живший около Кривой сосны. Правда, Гревлинг не достиг мастерства своего учителя – делать это в нужный момент и использовать как оружие против врага. Всё у него получалось невпопад. Берсерк презирал его за такую бестолковость.

Оле Мортенлин обошел самые незащищенные места своего мира, которые могли пострадать от ветра и ливня, убедился, что всё в порядке, и теперь торопился вернуться к Хильде в дом на берегу озера.

Берсерк присоединился к нему на повороте тропы, спрыгнул с ветки старой ольхи. Теперь они шли и разговаривали. Вернее, говорил Берсерк, а Оле слушал его вполуха и улыбался. Отвечал добродушно и терпеливо.

– Я тебе уже много раз объяснял – нет такого закона про мышей. Я не могу запретить им уходить. В наших лесах всё отрегулировано естественным законом – они уходят, когда их становится слишком много.

В ответ Берсерк только нервно дернул кончиком хвоста. Он шел на пару шагов впереди по лесной тропе, и они уже приближались к выходу на берег озера. Хвост Берсерк держал вертикально и напряженно, вызывающе демонстрируя свои несомненные достоинства матерого кота.

«Нет закона, так придумай! Ты же называешь себя смот-

рителем озера Эль-явр и его окрестностей, а всю грязную работу взвалил на меня».

– А ты наглец, Берсерк. Ты еще и на должность мою претендуешь?

«Я и так работаю за тебя. И территорию охраняю, и Мика Толстозадого не впускаю, и тролля Трумпа контролирую – куда пошел, что делает. А кто белок расселяет по соснам, чтобы не скапливались в одном месте и не съедали дочиста все шишки? Короче, я знаю всё, что творится в лесу, и даже хлам около Водопада Ведъм показываю тебе. А ты не можешь этому длиннохвостому облезлому мышу Пуззихельду приказать, чтобы он свой молодняк не отпускал за Звенящий ручей. Далеко на охоту ходить. Да и мои котята еще маленькие, и в такую даль на охотничьи тренировки я их не могу уводить. Матери не отпускают. Вон вчера эта рыжая Сильва скандал устроила. Ну, я, конечно, взъерошил ее, как старую мочалку в бане. Пусть знает свое место...»

Берсерк победоносно вытянул толстый хвост и несколько раз сильно хлестнул себя по бокам. А потом покосился через плечо на улыбающегося Оле. Тот шел широким шагом, думал о своем и лишь краем уха выслушивал претензии и похвальбу кошачьего самодура.

«И какой же ты смотритель озера? Так, пустое место, один из деревенских бездельников и болтунов... Не лучше Гревлинга-вонючки...»

Такую неслыханную наглость Оле Мортенлин, бывший

губернатор Исландии, вожак пиратов, предводитель флотилии свирепых викингов, опытный шкипер и просто настоящий мужчина, не мог оставить без должного ответа. Он даже остановился, снял кепку с эмблемой Гильдии моряков, опять надел и быстро шагнул вперед. Двумя руками схватил старого бойца за шкуру на спине и мощно встряхнул.

Но не зря Берсерк начинал свою службу в дружине Эрика Бешеного и просидел на его плечах долгие часы перехода. Он и спал там, вцепившись всеми четырьмя лапами в кудлатую черную шерсть на голове викинга. А когда Эрику надоедало его утробное урчание над ухом, он закидывал руки за голову, хватал Берсерка и сдирал его со своей шеи. Тогда-то Берсерк и научился изворачиваться внутри своей толстой шкуры и успевал еще и лапой с острыми когтями мазнуть своего напарника по уху или по носу. Как получалось. Только глаза и рот не трогал.

Так вышло и теперь. Берсерк мигом развернулся в руках Оле Мортенлина и сильно ударил его по щеке лапой с растопыренными когтями. Оле не ожидал такого отпора и отшвырнул от себя разъяренного кота, даже не заметив, что тот разодрал ему щеку от уха до подбородка. Его седая шкиперская борода не позволила крови стекать, лишь постепенно насыщалась красным.

Берсерк стоял в трех шагах от Оле Мортенлина, выгнувшись дугой, и готов был броситься на него – так сильно оскорбился бесцеремонностью шкипера.

А Оле, проведя рукой по окровавленной бороде, разлился уже всерьез и, сверкая глазами, выдал набор отборнейших морских ругательств. Невозможно описать ярость шкипера, лучше послушать его:

– Ах ты, палубная швабра, сын каракатицы и гальюнного червя! Ты вздумал быть хозяином Эль-явра? Отвечай, мешок вонючих костей! Сто акул тебе в задницу, недоумок трюмный! Закон тебя не устраивает? Мышей тебе в брюхо велишь стадами гнать? А поохотиться подальше за ручьем, в горах Йотунхейма уже обленился? Превратился в дохлую медузу, бушприт твою в компас... Проклятье! Это я, значит, бездельник и болтун? И этот кусок тухлого осьминога еще и когти пробует на мне! Ты, драный пожиратель рыбьих потрохов! Убирайся с глаз моих долой, и чтоб я тебя не видел и не слышал до вечера! Тысяча вонючих китов и полный трюм смердящих каракатиц!

Берсерк отпрыгнул в лес, остановился у гнилого пня и презрительно сощурил глаза. Потом высоко задрал хвост и перекатил по нему мощную волну, обильно пометил пень и с шипеньем разинул зубастую пасть. Сигнальный клич боевых котов викингов врезался в тишину мокрого леса.

Оле Мортенлин шагнул в его сторону, но полосатый наглец растворился в сумраке под елями. Оле махнул рукой, достал платок из кармана и вытер кровь со щеки и с бороды. Он стоял посередине тропы и весело усмехался – давненько не приходилось ему щекотать глотку настоящими шкипер-

скими словечками.

Увидев окровавленного шкипера, Хильда растерялась, но ее проворные руки быстро сделали всё, что необходимо делать, когда в дом приходит мужчина с кровавой раной от уха до подбородка, а его белоснежная сорочка украшена алыми пятнами.

Женщины всегда сначала пугаются сердцем, но их руки бесстрашны. Есть такая тайна в женских руках – они помнят и знают, как надо исцелять раны. Даже если ты очень молодая женщина и первый раз в жизни видишь кровь на лице человека.

Беленькая подруга Берсерка не успела вылизать одного своего малыша, а Оле Мортенлин уже сидел за столом, и перед ним стояли большая глиняная кружка с чаем и миска творога. Короткая густая шкиперская борода искрилась в солнечном свете, а на щеке плотно распластался лист подорожника. Разумеется, чудесная настойка из пузырька в шкафу тоже пошла в дело. Рубашка сохла на одном из больших валунов, окружавших открытый очаг на лужайке.

– Спасибо, Хильда. Ты, оказывается, умелая лекарка. Справилась не хуже Йотты-хромоножки. А уж ей нет равных в наших краях...

– Ну что вы, я просто оказала первую помощь. Вот и всё. Это же каждый умеет... А вы можете рассказать про фру Йотту Свамменхевен? Она не разрешила мне называть ее хромоножкой. Сказала, чтобы я не повторяла ваши шкипер-

ские словечки, – лукаво улыбнулась Хильда.

Оле отпил еще глоток из кружки, отодвинул пустую миску и достал из одного кармана дощечку с незаконченным орнаментом, а из другого – свой Могакан Гор-цик.

– Конечно, девочка, расскажу. И еще про Зеркало Истины расскажу. Ты ведь для этого сюда пришла?

– Какое зеркало? Нет, я про него ничего не знаю.

– А как же ты сюда попала? К нам, на озеро Эль-явр, приходят разные люди. И все они обязательно хотят найти Зеркало Истины и посмотреть в него. Да только не знают они, что с тех пор, как безголовый Тор разбил то, настоящее Зеркало, его осколки разлетелись по всему Митгарду. И он распался на части. Там, где упал осколок Зеркала Истины, образовался новый мир. Их много.

– Митгард? А что это такое?

– Странно, что ты не знаешь. Так назывался наш единый древний Мир людей. А Мир, где жили наши боги, назывался Асгард.

– А я ничего такого не слышала.

– Да, люди забыли, где родина их предков и где жили их боги. Но у нас в деревне Тиммерхавн школьный учитель на уроках мореходства всегда рассказывает детям историю древнего Митгарда.

Оле помолчал немного, похлопал рукой по листу подорожника на щеке и улыбнулся.

– А когда у вёльвы Йотты-хромоножки хорошее настро-

ние, она приходит к Большому камню на краю деревни и рассказывает всем, кто готов ее слушать, о великом Одноглазом Одине, его жене Фригг и их сыне Бальдре. А еще она любит рассказывать о том, как Ас Тор сражался с ужасным морским змеем Ёрмунгандом и убил его, но и сам погиб. И все боги погибли, захлебнувшись в крови Ёрмунганда. Не стало страны богов – Асгарда. А в пылу битвы этот свирепый Тор так размахнулся своим боевым молотом, что задел Зеркало Истины и разбил его. Вот и разлетелись осколки. И породили множество других миров. А в нашем мире осталась его самая большая часть. Оно ведь и создано было Высшими здесь, у нас, в небесах над Санхеттен-фьордом. Вот и случилось, что люди из других миров уже больше тысячи лет ищут дорогу к озеру Эль-явр.

– Я ничего не понимаю, – растерянно отозвалась Хильда. – Зачем смотреть в это Зеркало? – и машинально налила Оле Мортенлину еще полную кружку горячего черного чая.

Шкипер протестующе выставил вперед правую ладонь, но поздно. Тревожный запах горькой полыни и сладких молодых листов чая с невообразимо далекого острова Цейлон коснулся его носа. И Оле с тайным удовольствием поднес кружку к губам.

– Как это зачем... А если человек заблудился в своей жизни, отмежевался от своей души? Ему плохо, а он не понимает, отчего неудачи лупят его по голове, как оторвавшийся от реи парус. И вообще шхуна вот-вот пойдет ко дну. Вот тогда

и начинают искать врагов вокруг себя. Многие находят и начинают воевать. А кто-то догадывается сначала заглянуть в себя самого. А как заглянешь внутрь? Вот и нужно Зеркало Истины. Оно покажет, кто ты есть на самом деле.

– А где это Зеркало находится?

– На дне Санхеттен-фьорда под высокой скалой.

– А чтобы его увидеть, надо залезть на эту скалу?

– Ну да. Я помогаю людям подняться на нее. Трудный подъем там. Лезешь, как молодой матрос на грот-мачту.

– А потом что, когда они посмотрят? – Хильда так увлеклась рассказами шкипера, что не заметила, как в открытую дверь вошла Айка и уселась рядом с Оле Мортенлином, положив ему на колени голову.

– Сейчас, красавица, потерпи немного. Поговорю еще с нашей гостьей, и отправимся в путь, – Оле погладил собаку и продолжил: – А потом я разговариваю с ними, помогаю понять, что они увидели в Зеркале. Люди-то не сразу понимают. А я долго живу, несколько жизней. И повидал всякого-разного. Да и сам как-то в проклятый момент жизни заглянул в воду фьорда, увидел себя в Зеркале... Вот с тех пор и помогаю людям, которые приходят к скале.

Оле широко улыбнулся, высохший лист подорожника слетел с его щеки и упал на нос Айки. Она стряхнула его, сморщив нос, и неожиданно чихнула.

– Вот запомнил я одну молодую женщину. Она пришла из Осло. А может, из какого дальнего мира. Не знаю, не спра-

шивал... Обычная история. Она любила мужчину, но не могла быть рядом с ним. Потому что он ее не любил, и у него была другая судьба. Какая именно, я не знаю, это не мое дело. Это вельва Йотта-хромоножка могла бы сказать. Она прорицательница, а я просто почувствовал, что в этой жизни им не быть вместе.

– А что она увидела в Зеркале Истины? – от любопытства Хильда широко раскрыла глаза и замерла, ожидая ответа Оле. А он ответил не вполне понятно:

– Ну да, конечно, я помог ей подняться на скалу, она посмотрела в воду, а потом рассказала мне, что увидела. Зеркало показало ей ее настоящее лицо. Оно оказалось изменчивым, как вода фьорда, как облака в голубом небе Норвегии, как штормовые ветра над Скандинавией. Так говорила она сама. Красиво так говорила, улыбалась, а глаза были печальные, как у оленихи.

– А что вы ей сказали?

– А я сказал: как обычная жизнь человека. И еще я ей сказал, что у нее начинается новый цикл жизни, он будет беспокойным, как море под восточным ветром, но приведет к пониманию многих вещей. И что она найдет для себя новую вершину и взойдет на нее. Всё у нее будет хорошо. Да, так будет...

– А потом что? – Хильда в нетерпении накручивала волосы на палец и вновь раскручивала их, и ее голова уже была похожа на кудрявый парик. Оле улыбнулся, взглянув на нее

повнимательнее, и громко сказал, вставая из-за стола:

– А потом я крепко обнял ее на прощание и назвал сестричкой. Больше я ее не встречал.

Попрощавшись с Хильдой и свистнув Айке, Оле Мортенлин, бывший пират, губернатор Исландии и старый морской волк, просоленный лодырь и утешитель молодых неумелых ведьм, быстрым шагом отправился инспектировать окрестности озера Эль-явр.

Потому что это была его работа – он был смотрителем и лесничим округа Эль-явр. Отвечал за безопасность и порядок в этом озерном крае. Ему платили за его работу деньги, немалые, кстати. А всякие вёльвы-прорицательницы и любовь длиною в несколько жизней – это история жизни его персональной души и никому из людей это не интересно, а важно только для тех, кто пишет сценарии человеческих судеб. И отвешивает на точных весах порции радости и печали, счастья и горя, успехов и неудач – индивидуально каждой душе человеческой. Чтобы они развивались и становились мудрее.

Глава 15

Забэл

Забэл пришла ближе к вечеру, просто вышла из леса по тропе, ведущей от Водопада Ведьм.

Хильда сидела на ступеньках крыльца и смотрела на озеро. Друг другу они понравились сразу.

Черноглазая Забэл была невысокого роста, полненькая, с

густыми черными волосами, распущенными по плечам. В руках она держала полотняный мешок, набитый растениями, а в ее заплечной сумке лежала толстая старинная книга в жестком кожаном футляре.

Хильда не стала ее ни о чем спрашивать, просто показала немудреный мирок дома и предложила чем-нибудь перекусить. Решили, что Хильда поджарит рыбу, а Забэл займется своим мешком.

Хоть и была вторая треть сентября, но дневное солнце не пожалело для маленького озерного мирка своих осенних, но жгучих ласк. К вечеру жара уже не звенела, старые ели успокоились и перестали истекать смолой. Трава на лужайке перед домом была зеленая, и мелкие маргаритки застенчиво кокетничали с высокими стеблями солнечного девясила. Перед закатом вода Эль-явра искрилась розово-жемчужными бликами, и даже туман над западным берегом озера выглядел как перламутровый занавес на гигантской сцене.

Забэл сидела на низенькой скамейке перед домом и перебирала травы, листья и ветки, которые принесла с собой. Она хотела до темноты рассортировать всё, что за день собрала в лесу. Толстая книга в истертом кожаном футляре лежала рядом, на чистом полотенце.

Забэл сначала выбирала из кучи какой-либо цветок или стебель, внимательно разглядывала его, проводя пальцами по поверхности листка, или раскрывала бутон и всматривалась в интимное устройство маленького королевства тычи-

нок и пестиков. Порой ей приходилось поднимать тяжелую кожаную крышку книги и листать страницы в поисках нужной подсказки.

Постепенно вокруг нее выростали кучки разных растений, и она, шепча странные слова, собирала их в пучки, перевязывая красной шерстяной нитью. Иногда она отрывала взгляд от растения и просто смотрела перед собой. И первый, кого она видела в такие моменты, был Берсерк.

Он появился сразу же после прихода Забэл. Сначала подошел к Хильде, небрежно мазнул ее по ноге хвостом, как бы напоминая: у меня есть законное право на тебя, что бы ты ни думала по этому поводу. И только потом стал придирчиво обнюхивать Забэл. Одобрил и уж было решил задрать хвост на ее длинную юбку, но потом передумал – всё равно никуда не денется... Подождем, посмотрим... Что-то у нее есть такое нужное для меня. И когда Забэл разложила свои травы и листья, он устроился неподалеку.

Берсерк развалился на гранитной дорожке, ведущей от крыльца к берегу озера. Он лежал на правом боку, плотно прижав голову и хвост к еще теплому камню. Свои мощные передние и задние лапы он удерживал строго под прямым углом к телу, вытянув их и положив левые на правые. Глаза его были плотно закрыты, кончики разорванных ушей неподвижны. Поза, невероятная для котов, но вполне привычная для собак, выражала абсолютное погружение в нездешность.

Забэл на секунду показалось, что Берсерка покинула его

загадочная дремучая душа. Она отложила корень, который держала в руках. Ей вдруг захотелось встать и погладить лежащего на граните бойца, удостовериться, что тот жив, но Берсерк опередил ее.

Он пружиной взлетел в воздух и в следующий миг уже прижимался всем телом к ее ноге, хрипло и громко выговаривая: «Долго же мне пришлось тебе втолковывать, чтобы ты обратила на меня внимание».

– Так ты гипнотизировал меня? – изумилась Забэл.

«Какая чушь... Не говори со мной птичьим языком. Что такое гипнотизировать? Я посылаю тебе мысленный приказ подойти ко мне. Ну, вроде того, как на охоте я учу своих детей сначала мысленно приказать мышам не двигаться, а потом уже сцапать ее. Только с тобой наоборот...»

Берсерк обошел вокруг Забэл и прижался к другой ее ноге. Он и сам пока не понимал, почему он это делает. Впрочем, он не привык раздумывать и всегда делал то, что хотел. Если обстоятельства не были против.

«Между прочим, я тебе долго приказывал, так долго, что уже подумывал, а не бросить ли тебя и пойти к Хильде в дом. Она как раз сейчас будет рыбу разделывать...»

Так говорил боевой кот Берсерк, вернее, то ли мурлычно хрипел, то ли рычно мурлыкал басом и терся спиной, боками и головой о ногу Забэл, выгибая мускулистую спину под ее руками.

Потом он совершил невероятный для него поступок, пря-

мо скажем, постыдный и недопустимый для патриарха всего кошачьего населения окрестностей Санхеттен-фьорда. И немислимый для настоящего боевого кота викингов. Он повалился на спину и, задрав вверх все четыре лапы, подставил шею и живот под руки Забэл.

Она осторожно ощупала его шею и грудь, провела руками по мягкому животу, и тут он вновь проворчал: «Ты не ленись, не ленись, сильнее дави. Вот так, правильно... И шею, шею давай массируй, там старый шрам болит. Это всё засрапец Гревлинг из сосновой рощи. Ты знаешь этого старого барсука-вонючку?»

Забэл только улыбнулась и покачала головой.

«Эх, и врезал же я ему. Он аж поперечно-полосатым стал, кусок оленьего дерьма... У него до сих пор здоровая плешь на брюхе. Так я его располосовал задними лапами. Теперь он перебрался к Большим Голым скалам под туманом. Я его и не видел уже лет триста, наверное... Нет, вспомнил – сегодня он смылся от меня, когда я проверял, всё ли в порядке в лесу после урагана. Так и зарылся в кучу мусора в своей норе».

– Ты такой старый?

«Я старый? Да я моложе Йогтты-хромоножки лет на двести, а она женщина в самом расцвете, хоть и злая, как тысяча драчливых рысей. Да, а ты знаешь, что рысь Гаупе Бесхвостая своим детям рассказывает истории про меня? А она очень правдива. Я иногда с ней перекидываюсь парой слов, когда не очень занят... Вообще то она моя дальняя родствен-

ница. Недавно она рассказала им про мою битву с Толстозадый Миком, тем самым, из-за хребта Йотунхейм. Это было славное дельце... Толстозадый Мик убежал от меня с одним глазом и разорванной шкурой. Она висела на нем, как флаги на шхуне старого онкеля Бьорна Магнуса, отца шкипера Оле Мортенлина».

Забэл ласково провела рукой по шее Берсерка, нащупала плотный, как древесный корень, рубец и стала пальцами и ладонями мягко его растирать.

Она попыталась представить, каким этот удивительный кот был в своей доисторической молодости. Короткая буропепельная шерсть блестела на солнце, отливая рыжиной. Еле заметные полосы делали его невидимым среди суеты высоких трав и кустарников. И на деревьях он сливался с корой и мог сутками выслеживать добычу или врага.

Хильда уже рассказала ей, что лет этому коту столько же, сколько и скалам вокруг озера Эль-явр, а им много тысяч лет, так говорила Йотта-хромоножка. Но Хильда ей не очень поверила и решила разыскать достоверную информацию в научной литературе, когда вернется домой. А пока, в качестве рабочей гипотезы, она будет считать, что Берсерку всего одна тысяча лет.

Мысли Забэл о его персоне Берсерк прервал недовольным урчанием и легким ударом лапы. Разумеется, когти были втянуты и сила удара точно рассчитана. Не то, что вчера с Хильдой или сегодня с этим куском просоленной мячты,

шкипером Оле. Просто напоминание – не отвлекайся на чепуху, сосредоточься на моей шее и занимайся тем, что умеешь делать хорошо. Так примерно следовало понимать это вполне уместное замечание Берсерка, он ведь умел немного читать мысли людей и внушать им свои. Когда это было ему выгодно.

Забэл тихо откликнулась:

– Прости, пожалуйста, немного задумалась... Ты рассказывай. А где теперь этот Толстый Мик из-за хребта Йотунхейм?

Забэл вытянула лапы Берсерка, проверила суставы и работу его боевых когтеножей, деликатно обойдя несомненные достоинства и свидетельства его любвеобилия и чадолубия. Они выглядели внушительно и не нуждались в помощи человека.

А Берсерк, полностью погрузившись в блаженство, которое раньше ему не приходилось испытывать, продолжал урчать хрипло и немного лениво: «Люди из деревни Тиммерхавн говорят, что теперь он не может найти себе медведицу, потому что окривел... Так и шатается по лесам один. Если встречу на моей земле, разорву пополам, мясо пусть лисы сожрут, а шкуру отдам тебе. Хочешь шкуру Толстозадого Мика? Ты что, мне не веришь? Спроси у Гаупе Бесхвостой, она никогда не врет... Я если что обещаю, всегда выполняю... Правда, шкура у него теперь в заплатах, но ты отдашь ее в деревню, и тебе сошьют из нее шапку и рукавицы. Там, от-

куда ты пришла, холодно, наверное...»

Смеясь и слушая хвастливые байки Берсерка, Забэл обеими руками разгладила густую короткую шерсть, выбрала еловые иголки и другой мелкий мусор, добралась до кожи, пробралась сквозь толстый панцирь мышц, проверила внутренние органы и ликвидировала все старые и новые шрамы, рубцы, раны, узлы и зажимы, накопленные Берсерком за многие столетия его суровой жизни в лесах вокруг озера Эль-явр.

Она гладила, нажимала и проникала пальцами в тело, иногда легко и невесомо, иногда довольно сильно. Ее никто не учил этому, она действовала интуитивно, направляя луч нежности из своего сердца в руки и концентрируя энергию в центре ладоней. А потом этот золотой шар растворяла и выпускала живительными струями из кончиков пальцев. Все действия она совершала бездумно. А может быть, мистическая душа Берсерка, много повидавшая за тысячу лет жизни, подсказывала ей, что надо делать.

Спустя недолгое время Хильда вышла на крыльцо, чтобы предложить боевому коту свежей рыбки. Она увидела, что распростертый на траве Берсерк окружен полупрозрачным и светящимся золотым шаром, а над головой Забэл дрожит и переливается густой воздух, как фонтан оранжевого пламени.

Солнце уже исчезло в тумане над западным берегом озера, и сумеречный свет придал фантастический вид картине ис-

целения мистического животного земной женщиной. «Интересно, – подумала Хильда, замороженно глядя на Забэл и лежащего перед ней Берсерка, – а как тот грек-художник, Лукас, нарисовал бы всё это? Наверное, он сумел бы написать такую замечательную картину, что ее сразу взяли бы на аукцион Сотби или Кристи. Жаль, что я не умею рисовать. И жаль, что Лукас не видит этого». Она тихонько вздохнула и присела на ступеньку крыльца.

Сеанс исцеления был прекращен внезапно и грубо. Черная тень упала на Забэл, но она не остановила движения рук, только подняла глаза. На гранитной дорожке стояла Йотта-хромоножка.

Древняя вельва фру Йотта Свамменхевен была одета странно, но с изяществом. На ней были узкие брюки из черной тонкой кожи, заправленные в высокие горные ботинки с толстой рубчатой подошвой. Подол короткой коричневой юбки из плотной ткани был украшен солнышками-свастиками левого оборота и трилистниками.

Этот орнамент был вышит красными и зелеными шерстяными нитками и повторялся на вороте серой шелковой блузы и рукавах. К рюкзаку из невыделанной шкуры оленя, висевшему за ее плечами, ремешком была пристегнута свернутая красная куртка. Седые волосы заплетены во множество косичек и перетянуты кожаным ремешком под затылком.

Йотта стояла, опираясь на свою трость, и насмешливо смотрела на Забэл.

– И с чего ты решила, что этот жалкий вонючий ошметок мяса в изношенной до дыр шкуре достоин таких изысканных и целебных ласк?

– Он попросил погладить его, – тихо сказала Забэл и посмотрела прямо в глаза Йотты-хромоножки.

И тут произошло событие, короткое, как взмах крыла стрекозы. Из черной бездны глаз Забэл заструился мощный и яркий, почти солнечный поток, а прозрачные серо-голубые глаза Йотты вдруг потемнели, как скалы хребта Йотунхейм в безлунную ночь, и выплеснули черную струю раздражения. Оба потока столкнулись, и пространство вокруг двух женщин завихрилось. Визгливо вскрикнули скрипки, протяжно прозвучали стоны тромбонов и короткие басовые проклятия контрабасов.

Битва длилась недолго, всего два взмаха ресниц Хильды. Она в изумлении уронила рыбу, которую приготовила для Берсерка. И вдруг Забэл встала, не отрывая взгляда от глаз Йотты, и, перекрывая звуки и заполнив всё пространство, прозвучал проникновенный и повелевающий голос виолончели. Всё стихло. Йотта-хромоножка отвела взгляд. И задумалась, глядя на темный лес.

А тем временем Берсерк, нимало не смущенный, в отличной боевой форме, мощным прыжком преодолел расстояние до рыбы, лежащей на траве у ног Хильды. Захват зубами, осторожный взгляд на Хильду с наилегчайшим оттенком вынужденной благодарности, и Берсерк растворился в темноте.

Йотта-хромоножка еще раз, уже спокойно и даже печально взглянула на Забэл, вернувшуюся к своим травам, потом резко повернулась и, стуча тростью, ушла по гранитной дорожке в сторону берега.

Забэл и Хильда потом не могли вспомнить, ушла ли она по воде или взлетела в воздух, оседлав свою трость. Но это не важно. А важно то, что через час Хильда угощала Забэл чаем и пирогом с творогом.

Она с открытым ртом слушала рассказ об удивительной горной стране, где красные скалы держат в ладонях древние монастыри. Где люди вспыльчивы и упрямы, а в садах растут душистые абрикосы и персики.

Бесцеремонный стук в дверь и хриплое урчанье Берсерка заставило Забэл умолкнуть.

«Что, уже и любимую супругу с детьми проведать запрещено? В конце концов, существует закон о воссоединении семьи, и я требую его исполнения».

– Пожалуйста, кто же тебе запрещает? – Хильда открыла дверь и Берсерк, нагло щуря желтые глаза, вошел в дом, снисходительно задев ее ногу хвостом.

Он не спеша направился в угол, где стоял деревянный ящик с его детьми и их мамой, беленькой скромницей, и по очереди всех обнюхал. Довольно равнодушно, просто исполняя отцовский долг. Потом вспрыгнул на широченную тахту, где могли бы поместиться четверо крупных мужчин и три охотничьих собаки, и уже никакая сила на свете не могла его

оттуда согнать. Он намеревался в эту ночь остаться в доме.

Чай Забэл приготовила сама, из девяти растений, которые выбрала из своего большого полотняного мешка. Она сосредоточенно отсчитала нужное количество веточек, корешков, листьев и цветков и залила их холодной водой из озера Эльярв. Прозрачный сосуд, в котором лежали растения, она держала в руках, вращая его по часовой стрелке и поглаживая стеклянные бока, как бы возводя вокруг него невидимую стену. Похоже на то, как гончар из крутящегося куска глины выращивает глубокую чашу или кувшин. Когда растения согрелись до температуры ее рук, она попросила Хильду налить кипящей воды в большую кастрюлю, погрузила туда сосуд с чаем почти до самого горлышка и так держала его, аккуратно потряхивая и вращая, пока он не разогрелся «до звона колокольчиков». Так Забэл ответила Хильде, когда та удивленно спросила:

– А как ты определила, что чай готов?

– По звуку... Когда растения полностью отдали свои души воде, они звенят колокольчиками. Когда люди умирают и отдают свои души Богу, тогда звучат большие человеческие колокола. А у растений души маленькие, изящные, тихие. Вот и звучат нежные колокольчики. А ты не слышишь, Хильда?

– Нет, не слышу, я только вижу вокруг тебя какой-то нежный желто-зеленый туман. Он переливается и отсвечивает оранжевым. Так красиво, что хочется плакать... Но ты не

слушай меня, я, наверное, просто выдумщица... И еще у меня развито зрительное восприятие. Так мне сказал наш профессор Вильфранд. Он очень знающий человек. И загадочный. Я тебе потом о нем расскажу...

– Нет, ты не выдумщица, Хильда. Это души зеленых растений отдают свою энергию воде. Но ее так много, что она уходит и в пространство вокруг сосуда, а скоро и вся комната наполнится ею. Ну вот, чай готов.

Забэл поставила прозрачный сосуд с горячим чаем на стол, а Хильда разлила его в глиняные чашки.

А потом две женщины сидели за большим деревянным столом, пили душевный чай из растений, собранных в окрестностях озера Эль-явр и ели пирог с творогом и вареньем из морошки. А еще на столе были ржаные сухарики, зажаренные с солью и чесноком.

Разговаривали они о самом важном. И если вы подумали, что они говорили о любви, то вы не ошиблись. Да, о любви к мужчинам, детям, родителям, братьям и сестрам, друзьям. О любви к животным и растениям, к озерам и горам, рекам и водопадам, к морскому влажному ветру и яростным ветрам высокогорий. О любви к музыке и стихам, легендам и сказкам. И это всё называется разговорами о Жизни.

Хильда рассказала о своей пока еще маленькой жизни, о маме и папе, которые живут в рыбацком поселке на песчаном побережье Балтийского моря. О своем приятеле Марекке, который не поехал с ней искать Водопад Ведьм.

Она заплела свои пружинистые рыжеватые волосы в две косы и завязала их яркими зелеными лентами.

Забэл внимательно слушала Хильду, задумчиво глядя на нее, и мысленно плавными движениями рук очерчивала вокруг нее золотистую сферу. Зачем она это делала, Забэл не знала, да и не думала об этом. Ей просто нравилось представлять, как вокруг Хильды растет и наливается золотым светом защитная оболочка.

А Хильда сияла глазами, улыбалась и чуть смущенно спрашивала Забэл, есть ли у нее муж, дети, какие у нее папа и мама. И опять о ее далекой стране – какие там люди, реки и города.

– Да, у меня есть муж, но мы с ним не живем вместе, хотя часто встречаемся. Мы просто друзья.

В глазах Хильды промелькнула тень сожаления, но она промолчала.

– И сын у меня есть, – продолжила Забэл после минутного молчания, – ему уже восемнадцать лет. Он красивый и умный мальчик, но ему грозит опасная болезнь. И современные средства мало помогают. Вот почему я ищу для него лекарство. Мой народ верит в вещие сны, и многие видят их. И вот однажды я тоже увидела такой сон.

– А что тебе приснилось?

– Я была в большом книгохранилище. Ходила по комнатам и разглядывала высоченные стеллажи, заставленные старинными книгами. А в какой-то момент появился старик в

синем балахоне с капюшоном. Маленького роста и с большим носом. Как у мужчин моего народа. Среди армянских мужчин много носатых, ты ведь, наверное, знаешь. В руках у него была коробка из твердой кожи. Он положил мне в руки эту коробку и исчез. Я проснулась.

– И всё?

– Нет, что ты, далеко не всё, – Забэл отпила глоток чая и выпрямилась, движением головы встряхнув волосы, которые, как черный шелковый плащ, укрывали ее плечи. – Через несколько дней мне пришлось проводить экскурсию в Матенадаране – это самая большая в мире библиотека древних рукописей. Там есть очень старые книги на армянском и персидском, а еще на японском, греческом и иврите. Вот приедешь в гости ко мне в Ереван, мы с тобой обязательно туда пойдем.

– А я учу фарси и древнегреческий, нам их преподает профессор Вильфранд, – обрадованно сказала Хильда и засмеялась, – вот ведь какое совпадение. Ой, прости, я тебя перебила. Продолжай, пожалуйста.

– Ты представляешь, эту самую коробку, из моего сна, я увидела в руках одного сотрудника, который проходил мимо. Я спросила его, что это такое, а он мне сказал, что это книга врача и ученого Амирдовлата Амасиаци, очень известного целителя, который жил шестьсот или даже тысячу лет тому назад. Я попросила посмотреть эту книгу, но он мне просто отдал ее и сказал очень странные слова.

– А что, что он сказал? – Хильда в нетерпении быстро допила свой чай и налила еще из прозрачного сосуда.

– Он сказал так, – Забэл на секунду задумалась. – Ты возьми эту книгу с собой и иди на Север и немного на Запад, в те края, где сосны и камни тысячи лет не расстаются друг с другом. Есть страна между высокими горами и суровым океаном. Тысячи озер и рек. Древние камни и столетние деревья. Там у людей глаза светлые и прозрачные, как их небо. Эта Книга поможет тебе узнавать растения и их пользу. Иди смело и не удивляйся ничему.

– А что потом?

– Потом он быстро ушел, а я принесла книгу домой. Ты знаешь, мне недели хватило, чтобы получить визу в Норвегию, купить билет на самолет, и сегодня утром я была уже в аэропорту Осло. Села в первое попавшееся такси. Такая яркая машина – оранжевая с зеленой крышей. А шофер сказал, что знает, куда меня везти. Мне стало немного страшно, откуда он может знать... Но я подумала, что, возможно, тот сотрудник книгохранилища мне помогает. Что здесь сложно-го? Позвонил знакомому таксисту в Осло, описал мою внешность и адрес сообщил. Сказал же он, – ничему не удивляйся.

– А потом-то что было, как ты этот дом нашла?

– На такси доехала до поворота на деревню Тиммерхавн, а там на обочине меня ждала вот эта собака и два ее щенка. Они и привели меня к озеру, – Забэл ласково потрепала по

шее Айку, которая уже давно сидела, положив голову ей на колени и не сводя глаз с ее рук. Оба щенка Айки кувыркались у ног Забэл, тихо переругиваясь между собой.

– И вот я здесь, и мы с тобой пьем чай, а у меня еще остались растения в мешке, которые собирала по дороге в лесу и не успела разобрать. Вот этим я сейчас и займусь, – закончила Забэл и поднялась из-за стола.

Пока женщины тихо беседовали, боевой кот Берсерк развалился на широкой тахте, покрытой шкурой оленя, и лениво щурил желтые глаза, поворачивая полумесяцы зрачков то в сторону Хильды, то в сторону Забэл.

Он время от времени прыгивал на пол, в очередной раз похозяйски обнюхивал свою кошку с котятами и пытался хриплым голосом прекратить эту совершенно бессмысленную, с его точки зрения, болтовню. Он даже пошел на недостойную патриарха хитрость, попытавшись жалобно мяукнуть, но это вызывало только веселый смех Хильды и понимающую улыбку Забэл.

Целью Берсерка было привлечь внимание Забэл к своей незаурядной личности и заманить ее в постель. Что ему и удалось через некоторое время. Так он сам, по крайней мере, думал.

Наконец чай был допит, чашки вымыты, травы и коренья собраны в пучки и развешаны вдоль глухой стены комнаты, и женщины улеглись на большой тахте, где места хватило бы еще на четверых.

Берсерк пристроился между ними, бесцеремонно пройдясь по их ногам, громко и хрипло заурчал и недовольно высказался: «Долго же вы болтали, у меня опять заболела шея. Давай, не ленись, лечи меня. Ты ведь для этого сюда и пришла, я-то знаю...»

Хильда расхохоталась, а Забэл осторожно нащупала рубец на мощной шее старого бойца и собрала в ладони золотой шар.

Стало тихо и запахло оранжевыми раскаленными горами и выжженными солнцем травами страны огня Муспельхейм. А еще зеленое свечение разлилось от пальцев Забэл и заполнило комнату.

Так боевой кот Берсерк провел ночь в одной постели с двумя женщинами, может быть, впервые в своей жизни. Справедливости ради надо отметить, что большую часть ночи он лежал под рукой Забэл, недвусмысленно требуя продолжения сеанса целительного массажа. Иногда это ему удавалось.

Глава 16

Фру Йотта Свамменхевен показывает свою великую мощь

«Вовремя», то есть именно то время, когда встречаются и удовлетворяют друг друга возможности и желания, всегда наступает только тогда, когда человек готов к этому. И тогда что-то происходит. Хорошее или плохое, но происходит. То есть жизнь идет вперед. И можно сказать, что всё, что с на-

ми происходит, – всегда вовремя. Потому что если есть возможности, но нет желания, или нет возможности, а желаний хоть отбавляй, то всё равно не происходит ничего. Так говорят мудрые знающие люди.

Вечером следующего дня на берегу озера Эль-явр, возле пылающего открытого очага собрались те, кого смеющаяся Судьба привела в это мистическое место. Неизвестно, в каком времени, то ли тысячу лет тому назад, то ли в нашем двадцать первом веке. То ли в мире прорицательницы вёльвы Йотты-хромоножки, знающей прошлое и будущее, то ли в тихом уголке современной Норвегии, вдали от туристических маршрутов. Одним словом, в зоне Проникновения Миров, или зоне Фронтيرا, по терминологии Артура Вильфранда, профессора и Смотрителя.

Большие камни вокруг огня были накрыты оленьими шкурами, сидеть на них было удобно. Забэл и Хильда приготовили каждому свой чай и разлили в большие деревянные кружки. Айка лежала рядом с Оле Мортенлином, ее щенки спали, один на коленях у Забэл, другой – у Хильды.

Фру Йотта Свамменхевен молча курила свою изящную трубку, и Берсерк, который время от времени обходил по периметру этот маленький мир огня, старался держаться от нее подальше.

На шкипера Оле он только скосил свои полулунные зрачки и беззвучно разинул зубастую пасть. Выгнув дугой спину, но бесстрашно прошел в шаг от него. Мол, не думай, что

одержал победу.

А Оле Мортенлин рассказывал историю про своего деда, который в Стамбуле спас женщину-армянку от насильника турка, а брат этой женщины отблагодарил его и подарил свой рабочий инструмент – он был резчиком. Вырезал узоры на хачкарах. Хачкар – крестовый камень. Так называются памятные стелы, которые есть во всех мирах, где живут или похоронены армяне.

– Вот я и нашел этот подарок в его сундуке, – сказал Оле и высоко поднял свой Могакан Гор-цик над головой, – и теперь он мой помощник, друг и учитель.

Огромная желтая луна, занимающая почти половину неба начала подниматься над Эль-явром – было время сентябрьского полнолуния.

– Редкая погода для сентября. Приветствую тебя, морской бродяга! Добрый вечер, Хильда, нашли Водопад Ведьм? Рад встретить тебя здесь, Забэл! Достопочтенный Амирдовлат помог найти нужные травы?

Высокий, худой и горбоносый мужчина в обычной летней куртке защитного цвета и черных джинсах возник из темноты. Айка с радостным лаем подбежала к нему, а два ее щенка сонно приоткрыли глаза, но остались на коленях у Хильды и Забэл. Он подошел, никем не замеченный, со стороны берега, и никто не понял, как он попал туда. Лесная дорога из деревни находилась с другой стороны лужайки, а тропа к Водопаду Ведьм была освещена луной и пуста. Когда он

оказался в свете костра, его узнали все.

– Мое почтение, фру Свамменхевен! – профессор Артур Вильфранд в церемонном поклоне поцеловал руку вельвы, а Йотта-хромоножка надменно усмехнулась, но не произнесла ни слова.

– Ваша рука пахнет тревогой, дорогая прорицательница. Неужто еще одна дама решилась на обновление в Водопаде? Вопреки вашему предсказанию? Или наоборот, отказалась? – в голосе Артура явно звучала ирония.

– Ну, людей не переделать, – снисходительно произнесла Йотта-хромоножка, коротко вдохнула ароматный дым тлеющих растений и изящным жестом отвела в сторону левую руку с вычурно изогнутой трубкой в длинных гибких пальцах.

– Они как были невежественны, слепы, глупы и похотливы десять тысяч лет назад, такими и остались. И без хорошего пинка под зад неспособны взобраться даже на скалу над Санхеттен-фьордом, чтобы узнать о себе правду. Так ведь, Оле Мортенлин, сын почтенного Бьорна Магнуса Таденлика?

– Йотта, я просто помогаю неловким людям одолеть непростой путь на вершину той скалы, как инструктор альпинизма. Они всё больше городские и горы-то впервые видят, – Оле Мортенлин улыбнулся Йотте одними глазами и вновь занялся работой.

– А многие обходятся без твоей помощи потом, когда спустятся оттуда? Да они даже понять не могут, что им показывает Зеркало Истины. А оно показывает им самих себя. Так

ведь, Оле Мортенлин?

– Зачем ты меня спрашиваешь об этом, фру Йотта Свамменхевен? Поднимись на скалу и увидишь своими глазами. Может быть, тебе я не понадоблюсь, ты всё поймешь сама... Поднимись на скалу, Йотта.

Так Оле Мортенлин ответил Йотте-хромоножке, ни на секунду не прекращая вертеть в руках ясеневую дощечку, на которой его неутомимый Могакан Гор-цик вырезал букет из маленьких восьмилучевых свастик-солнышек правого поворота, знак добрых сил созидания. Это означало скорый конец работы, как бы подпись или печать мастера.

Глаза Йотты потемнели, и в них засверкали свинцовые стрелы. Она встала, сбросила красную куртку с капюшоном, оставшись в шелковом плаще стального цвета, расшитом синими рунами Могущества и Знания, и гордо выпрямилась.

– Я не нуждаюсь в учителях и подсказчиках, будь то сам Великий Один. Ты забыл, Оле, кто я? Оле Мортенлин поднял на нее глаза.

– Тебя забыть нельзя, мудрая вельва Йотта. Мы же соседи. К тому же по пятницам вместе инспектируем Водопад Ведьм. Кстати, не напомним, кто из залетных дам в прошлую пятницу так артистично рухнул в водопад? Я потом нашел в кустах много швейных иголок и куски свечного воска. И еще пару мешков с гусиными перьями и пуговицами. Так кто была эта летунья? Ты ее знаешь, Йотта? Это не она приходила к тебе месяц назад и спрашивала о своей судьбе?

– Мне нет дела до этих дурищ, которые десятки жизней подряд не могут понять, что застряли в своем ведьминском кругу и никакой водопад не изменит их судьбу: вновь стать ведьмой и вновь броситься в воду.

– А что же делать этим несчастным, они ведь очень хотят стать другими, переродиться и больше не быть ведьмами? – голосок Хильды прозвучал так неожиданно и участливо, что Йотта смягчила взгляд, подошла к Хильде, села рядом и тихо ответила только ей:

– Девочка, они должны измениться сами, пока живут и у них есть выбор... Но это очень трудно. А Водопад здесь не при чем. Он всего лишь корыто для стирки, девочка, – грустно добавила Йотта-хромоножка и встала.

– Йотта, а зачем ты послала к Водопаду эту глупышку из Сюрфрон? Девица хотела сделать как лучше, у нее были добрые намерения... – Оле Мортенлин насмешливо взглянул на вёльву и тут же отвел взгляд, но дело было сделано, и она отозвалась.

– Оле Мортенлин, а ты не уходи от ответа на мой вопрос, – в голосе Йотты зазвучали низкие угрожающие ноты. – Зачем мне лезть на твою паршивую скалу над Санхеттен-фьордом? Ты еще предложи мне прыгнуть в Водопад вместе с дурищами...

Легкий ветер раздувал шелковые складки платья, закручивая его вокруг стройного сильного тела вёльвы. Наверное, древний дух оберегает ее тело от разрушения. Или постоян-

ное колдовство, что по сути своей есть глубокое знание природы вещей – растений и минералов, воды и воздуха...

Древняя вельва, прорицательница и, в каком-то смысле, ведьма, Йотта Свамменхевен стояла, выставив одну ногу вперед, и напряженно вглядывалась в туман над дальним берегом. За ним и сквозь него рельефно и четко проступали ледниковые склоны и вершины хребта Йотунхейм.

Круглая желтая луна царила над озером Эль-явр, и ее свет заставил души растений покинуть свои укромные жилища. Все они плясали в воздухе над костром, гранитной тропой, на границе леса и лужайки. Воздух был вязким и имел вкус. Корица, кардамон и лимон внезапно ударили в ноздри тугой струей. Их тут же сменяли нежные маргаритки, лаванда и можжевельник. Тяжелые нити смолы сосен и елей обволакивали тягучей массой и рождали эротические фантазии. Хвойные великаны тихо и смущенно шептались в лесу.

И тут в воздухе возникли напряжение и трепет. Это почувствовали все.

Оле Мортенлин сидел на большом камне и сосредоточенно исполнял дуэт с Могакан Гор-циком. Профессор Вильфранд стоял в двух шагах от огня, спиной к дому. Он засунул руки в карманы брюк и сумрачно глядел на стоящую по другую сторону очага Йотту Свамменхевен. Хильда и Забэл сидели рядом на невысоких валунах, а боевой кот Берсерк занял оборонную позицию у ног Забэл. Его сумасшедшие полулунные зрачки поворачивались в разные стороны, он не

упускал из виду Йотту-хромоножку.

Было очевидно, что Берсерк ждет от нее какого-то подвоха. И он был прав, этот лесной разбойник, наглый вождь кошачьего племени окрестных лесов.

Йотта приступила к действию. Она повернулась лицом к озеру Эль-явр, расстегнула серый шелковый плащ и раскинула руки. Ветерок, пробегающий над водой, повернул в ее сторону, усилился и подхватил струящийся шелк. Два трепещущих крыла взметнулись к широко раскинутым рукам вельвы. Под плащом на Йотте не оказалось никакой одежды, лишь мерцающий слой сгустившегося воздуха покрывал ее защитным коконом.

Она несколько раз взмахнула руками-крыльями, будто намереваясь взлететь. Сияние ее тела усилилось, появился тяжелый красный отсвет, концентрация энергии нарастала. Казалось, что к Йотте со стороны леса устремились красные нити, которые обвивались вокруг нее. Это были души погибших животных. Йотта владела мастерством извлекать из пространства животную энергию, освободившуюся после смерти лис, кабанов, волков и медведей. И людей. Она концентрировала ее силой своего желания и воли.

Сейчас она была полна намерения показать свою силу.

Йотта продолжала собирать вокруг себя энергию прошлых жизней зверей, притягивая заодно и души погибших в этих краях людей. Убитые тайно или явно, разорванные дикими животными в голодные годы, умершие в одиночестве

и не оплаканные родными, не погребенные по обычаям рода – все они скитались в пространстве вокруг озера Эль-явр, создавая незримый энергетический купол, но не причиняя вреда живущим здесь людям.

И теперь Йотта силой своего желания и своенравной воли сворачивала упругой спиралью эту энергию, грозя превратить ее в инструмент разрушения. И всего лишь для того, чтобы доказать бывшему шкиперу, пирату и мирному зрителю округа Эль-явр, этому просоленному лодырю, насмешливому Оле Мортенлину, что ей не нужны никакие Зеркала Истины, годные только для слепых и невежественных глупцов. Она, Йотта Свамменхевен, обладает силой и не нуждается в подсказках и советах, как ей следует жить.

Фантастическое действие продолжалось. Йотта-хромоножка заговорила, и в голосе ее была великая гордость и бездонная печаль.

– Я прорицательница судеб богов и людей, мне всё ведомо о прошлом, настоящем и грядущем, и рождена я была до начала Жизни тремя великаншами в горах Йотунхейма. Я знала о том, что произойдет с Асгардом, и сказала об этом Великому Одноглазому Одину. Я просила его вмешаться и спасти от смерти его собственного сына и моего возлюбленного Аса Бальдра.

Йотта закрутилась на месте, и плащ ее не успевал взлетать за телом. Потом она развернулась лицом к лесу, и багровые

извивающиеся нити, как змеи, устремились к ней. Ожесточенная тоска и тысячелетнее одиночество души прорвались сквозь маску высокомерия и надменности.

– Я просила этого Одноглазого хитреца, пока длилось время его могущества, вернуть мне моего Бальдра. Один не хотел этого делать. «Боги не всемогущи», – сказал он. И соврал. Пока было его время – он был всемогущ. И всё же не захотел спорить с теми, кто выше его. Но прошло время древних богов, и они погибли. И об этом я тоже знала и предупреждала их. И когда свирепый глупец Тор стал размахивать своим боевым молотом Мельниром и разбил Зеркало Истины, погиб Мир Асгарда, погибли Асы. Все до единого. И все они томятся в нижнем Мире Хель, в гостях у Смерти.

Йотта помедлила, всмотрелась пристально в огонь костра и закончила тихо и печально:

– И я знаю, что они скоро выйдут оттуда. Обновленные и сильные. Совсем другие. Я буду вновь узнавать их. И Высшие вновь откроют мне судьбу следующего цикла нашего Мира. Лишь одно мне не дано знать – узнаю ли я моего Бальдра... Но сначала будет Хаос... Великий Хаос. Людишки побегут в поисках мяса и хлеба. И никто не поможет им. Потому что они забыли своих старых Богов, а новых им Высшие не показали. Почему они так решили, я не знаю. Это не мое дело. Знаю только, что выживут знающие, хитрые и любящие и встретятся с новыми Богами. Глупцы, простофили и равнодушные погибнут. Так будет...

Йотта обернулась к сидящим вокруг очага людям, ее тело сияло, и шелковый плащ не скрывал торжествующей женской красоты. Она пристально посмотрела на Оле и сказала только ему:

– Ответь мне, кусок соленой парусины, шкипер Оле Мортенлин, если сможешь. Зачем мне, знающей всё о девяти погибших Мирах и о том, что существует теперь, зачем мне подниматься на скалу над Санхеттен-фьордом? Туда лезут только глупцы и тупицы, слепые и глухие люди из племени карликов, которые верят твоим рассказам о правде, истине, перерождениях души. Ответь мне, обломок трухлявой мачты, что нового я могу увидеть в этом жалком зеркальном осколке? Он мне покажет моего Бальдра? Молодого, сильного, красивого и веселого? Я и так вижу его и чувствую его присутствие. Он и сейчас здесь, со мной, во мне. Твое Зеркало вернет мне моего Бальдра, его горячую любовь и наше счастье?

Пока Йотта говорила, ветер с озера усилился, плащ трепетал вокруг нее, сияние тела стало нестерпимо красным. Она больше не размахивала руками, а сложила их под грудь, гордо откинув голову назад. Многочисленные седые косички поднялись и ореолом окружили голову. Их было много, некоторые расплелись, и причудливая корона, как древнее изображение солнца, сияла розовым цветом. В глазах ее плескались морские волны.

Она была прекрасна, эта вельва-прорицательница, ведьма

Йотта Свамменхевен. Грудь, живот, ноги – ее тело было совершенно. Люди, затаив дыхание, не отрывали от нее глаз. Даже привычный сумрак и суровость исчезли из карих глаз Артура Вильфранда, а Оле Мортенлин перестал заниматься своей дощечкой и смотрел на Йотту взглядом собаки, которую давно никто не ласкал. И только единственный равнодушный зритель лениво подошел в очередной раз к ноге Забэл и потерся о нее. Боевого кота не интересовали могущество, душевные терзания и зигзаги судьбы. Он был на службе в это ночное время и уже почувствовал чужаков в лесу.

Ночная графика остроконечных вершин хребта Йотунхейм придавала действию Йотты острый и тревожный смысл. Было непонятно, что она собирается делать дальше, куда направит и выплеснет мощь своей ментальной и физической силы. Казалось, сама вельва задумалась на какое-то время или мысленно рисует эскиз следующего акта.

И наконец напряженное ожидание разродилось. Йотта протянула руки в сторону самой высокой вершины хребта, сияющей бриллиантовым блеском льда и снега. Соединила ладони и узким пурпурным лучом буквально срезала сахарную голову далекой горы.

Пар, осколки льда, снежная пыль взметнулись в воздух. Ледяной купол приподнялся и, как колпак, был снят с лысой остроконечной вершины. Как будто с плешивой головы старого тролля или пьяного незадачливого колдуна сдернули шляпу, которую он присвоил себе не по праву.

Ледяной купол взмыл в воздух и через несколько секунд обрушился в озеро Эль-явр. Вода в озере заволновалась и выплеснулась на берега. Но лужайка с костром и сидящими вокруг него людьми пока оставалась сухой.

Йотта опустила руки и развела ладони. Повернулась к Оле Мортенлину и заговорила тихим скромным голосом:

– Оле, неужели осколок старого стекла, покрытый амальгамой, который лежит на дне твоего жалкого фьорда, расскажет что-нибудь новое о моей силе? Конечно, нет. Я могу извлекать энергию из любой вещи и лепить из нее, что вздумается. Но я не спорю с богами, это их дело – создавать Мир. Или я увижу что-то новое в тумане будущих событий? Конечно, нет. Будущее скрыто только от глупцов, живущих с закрытыми в страхе глазами. Они не видят настоящего и потому не могут разглядеть во тьме тропы и дороги в свое грядущее. А я знаю, что, только пройдя крутой поворот, можно увидеть дальнейший путь.

Йотта присела рядом с Оле на его камень и очень тихо добавила:

– Всё просто в этой жизни, Оле Мортенлин, но мне горько и больно жить без моего Бальдра. Она ласково погладила шкипера по плечу, высокомерно взглянула на профессора Вильфранда, встала и ушла к берегу.

Когда впечатление от красочного и тревожного зрелища улеглось, стали заметны последствия. И немалые.

Ледниковая шапка в озере продолжала таять, и вода под-

нялась крутой высокой волной. Невидимая преграда удерживала ее от хищного броска на берег. Дом под оранжевой крышей, лужайка с сидящими вокруг огня людьми и ближайший лес – всё оказалось бы затопленным, получи она свободу.

Оле Мортенлин отвлекся от своей резьбы, а профессор Вильфранд озабоченно поглядывал на озеро. Он не был твердо уверен, что шалости Йотты с резервными энергиями пространства благополучно закончились. Восстановление ледника уже началось, об этом не стоит заботиться – всё сделает суровая зима. Вода в озере надежно удерживается энергокуполом, который он вовремя успел создать. Скоро она уйдет в речки и ручьи, вытекающие из озера и впадающие в Санхеттен-фьорд, который и не заметит этого.

А вот последствия мощной трансформации энергии пока неясны. В ближайшие дни в мире озера Эль-явр могут возникнуть ураганы и смерчи. Таков ответ земной природы на бессмысленные разрушения ее материальных творений. Когда человек высвобождает черную энергию разрушения, Земля стремится сбросить его со своего прекрасного лика.

Вода озера за невидимой стеной действительно стала успокаиваться, уровень ее понизился. Сначала медленно, а потом всё быстрее... И наконец озеро вернулось в свои пределы, его поверхность успокоилась, и только волны еще продолжали выбрасывать на берег мусор, оставшийся от растаявшего ледника с самой высокой вершины хребта Йотун-

хейм.

– Да, обидел я Йотту, – огорченно сказал Оле Мортенлин и спрятал свой Могакан Гор-цик в правый карман куртки, а дощечку – в левый.

– Она очень сильная и красивая женщина, только ваши боги почему-то не захотели помочь ей, – печальный голосок Хильды прозвенел и упорхнул за пределы круга света.

– Помочь можно тому, кто сам себе объявил аврал и готов выбросить старье и хлам из своей души. Потому я и предложил фру Йотте Свамменхевен заглянуть в Зеркало Истины. Чтобы узнать себя, – ответил Оле и добавил, усмехнувшись: – А она в ответ швырнула в меня самым большим ледником Йотунхейма.

Забэл внимательно слушала шкипера, а потом, опустив глаза, тихо спросила:

– А можно мне посмотреть в Зеркало Истины?

Оле Мортенлин расхохотался, похлопал рукой по камню, на котором сидела Забэл, и потрепал щенка, крутившегося у ее ног в погоне за своим хвостом.

– Лучшее время – рассвет. Он наступит через пару часов. Луна уже спряталась за Йотунхейм. Ветра нет, вода фьорда успокоится после хулиганства Йотты. Ничто тебе не мешает взойти на скалу, молодая госпожа. А я помогу... Соленое слово шкипера и сто зубастых акул в хвост этому лесному разбойнику Берсерку!

Берсерк не слышал последних слов Оле. Он был занят ма-

гическим ритуалом очищения места. В девятый раз обходил очаг, где вокруг огня сидели люди. Когда фру Йотта Сваменхевен растворилась в лунном свете, Берсерк, громко и презрительно фыркнув, задрал хвост и тщательно пометил все камни в широком кругу вокруг костра. Чтобы истребить дух этой надменной вельвы. Хотя бы на время. Это был ритуал соперничества с ее могуществом.

В конце концов, Берсерк и сам очень древнее и мистическое создание. И он хозяин озера Эль-явр и его окрестностей. А махать руками, уродовать ледяные вершины Йотунхейма и понапрасну волновать Эль-явр – глупая трата энергии. Лучше бы она передвинула Водопад Ведъм подальше в горы. Замучился уже каждую пятницу собирать остатки их колдовских штук.

Так думал Берсерк, настоящий боевой кот викингов. Но кого, собственно, интересует мнение потрепанного жизнью лесного норвежского кота? Даже если учесть его славное боевое прошлое, причудливый талант рассказчика и врожденную деликатность...

Глава 17

Сила рук Забэл

Берсерк последний раз оглянулся на закрытую дверь дома и направился к маленькой пристройке для дров. Надо проверить еще тайный проход в дом, сделанный специально для него, для Берсерка. Чтобы он мог навещать свое семейство, когда ему вздумается. Потом и котята выйдут через него на

свет, а в случае опасности смогут убежать обратно в дом. Но это так, к слову. Никакой опасности для детей Берсерка нет в мире озера Эль-явр.

Закончив все свои дела, Берсерк отправился по тропе в сторону деревни Тиммерхавн, туда ушли люди еще на рассвете. Забрав все свои вещи, мешки и книги.

Айка и ее щенки тоже убежали за ними.

Забэл на прощание еще раз помассировала его старые шрамы и рубцы и сказала, что вернется весной и опять полечит его. Если он будет нуждаться в этом.

Берсерк ничего не ответил ей. Он был мудр и знал – ничто хорошее не повторяется, просто иногда бывает новое хорошее. А вот плохое – повторяется. Если не везет... Правда, новое плохое бывает еще хуже старого... Но это уже очень сложные мысли, не для такой женщины с волшебными руками, как у Забэл. Потому он и промолчал...

Берсерк быстро бежал по тропе, чтобы успеть посмотреть, как Забэл будет подниматься на скалу над фьордом – он слышал ночью, что Оле Мортенлин предложил ей свою помощь. Если она хочет что-то узнать о себе. Она захотела....

Путь был не дальний. Вот уже видны сверху красные крыши домов, а вот и огромный валун на краю деревни. От него надо еще пробежать в сторону фьорда метров пятьсот. А там есть одно тайное место на кривой сосне, о котором не знает даже его приятельница рысь Гаупе Бесхвостая. Оттуда всё будет хорошо видно.

Когда они вышли на берег фьорда, у Хильды перехватило дыхание от совершенной красоты этого места. Синь фьорда, зелень леса, поднимающееся солнце и полный штиль – то самое время... Скала не была высокой, и по ней вилось множество тропинок. Но Оле сказал, что там опасно и он поможет Забэл найти нужную дорожку. Так они и пошли вдвоем, а Хильда и профессор Артур Вильфранд остались внизу.

Хильда присела на теплый валун, а профессор остался стоять. Он курил и смотрел на Оле и Забэл. Хильде стало очень любопытно, о чем он сейчас думает... Вот бы научиться читать его мысли, подумала Хильда, но тут же испугалась и даже покраснела... А вдруг он в эту минуту читает ее мысли? И вообще, может, раньше тоже читал и знает теперь, что он ей очень сильно нравится. Не как профессор, а просто как мужчина. И что она видит его иногда во снах, в очень откровенных снах... Нет, не надо об этом думать сейчас, когда он так близко...

Оле Мортенлин, прыгая с камня на камень, бегом спускался со скалы, а Забэл уже подошла почти к самому краю и остановилась, глядя вдаль. Она не решалась посмотреть вниз.

– Подойди ближе! – крикнул ей Оле. – Ничего не бойся! Она сделала еще шаг.

– Еще, Забэл, еще ближе, с тобой ничего не случится плохого! – голос Оле Мортенлина разносился эхом над водой фьорда и откликался в лесу.

– Хорошо, девочка, хорошо! Теперь протяни руки над водой и думай, что ты хочешь увидеть дно фьорда!

Забэл протянула руки вперед, ладонями к воде, и на секунду воцарилась абсолютная тишина, даже птицы замолкли, а Берсерк на толстой ветке сосны затаил дыхание и усмирил хвост.

Всё взорвалось почти одновременно. Тишина, вода, гранит.

Сначала послышался гул, потом на поверхности воды образовалась воронка. Вода, бешено крутясь водоворотом, не уходила в нее, а наоборот, расступалась всё стремительнее, и наконец обнажилось базальтовое ложе фьорда.

А Забэл, зажмурив глаза и замерев от ужаса, всё держала руки ладонями вниз, потому что так ей сказал Оле Мортенлин.

И настал миг, когда тысячелетние базальты дна не выдержали пульсирующих ударов энергии рук Забэл и взорвались фонтаном осколков. Каменный дождь вперемешку с грязью пролился на всех, кто был свидетелем этого зрелища.

Хильда и Артур Вильфранд укрылись под деревом, сам Оле Мортенлин присел под большим камнем, а Берсерк в своем тайном убежище недовольно отодвинулся к самому стволу дерева и проворчал: «Ну, это уж чересчур... Зачем так крушить, теперь вокруг будет много острых камней и грязи. Придется пару недель сюда не приходить. Ох уж эти женщины, ни в чем не знают меры. Ну, лечила бы меня сво-

ими руками. Я же сразу понял, что они волшебные. Зачем тратить силы на воду и камень...»

Впрочем, это было его личное мнение, которого никто не услышал. А услышали все, как Оле Мортенлин, перекрикивая грохот падающих камней и рев воды в воронке, закричал, приложив рупором ладони ко рту:

– Хватит, Забэл, остановись, сложи ладони вместе!

И Забэл услышала его, сделала, как он велел.

Теперь она стояла там, на вершине скалы, маленькая, растерянная и испуганная, стиснув свои чудодейственные руки перед грудью, и казалось, что она молится. Она действительно молилась своему Богу. Ее молитва была короткой и похожей на заклинание:

– Господи, помоги мне и научи! Помоги узнать свою силу! Научи ею пользоваться во благо! Научи, как вылечить моего мальчика! Она плакала и повторяла ее снова и снова, пока Оле Мортенлин не поднялся к ней на вершину. Он ласково взял ее за плечи и очень осторожно свел вниз со скалы.

Оглушенная и потрясенная, Хильда обняла ее и улыбнулась. Потом, задорно взмахнув своей рыжеватой гривой, расцеловала в обе щеки и громко сказала:

– А ведь этот грубиян Берсерк первый понял, что у тебя волшебные руки, он же не отходил от тебя и всё требовал, чтобы ты его лечила. Вот хитрец лохматый!

– Да, девочка, сила в тебе огромная, древняя. Ты должна научиться управлять ею, иначе добро может обернуться

злом. Хочешь приехать ко мне весной? Я научу тебя беречь себя.

Фру Йотта Свамменхевен видела и слышала всё, что здесь происходило. Она с самого начала была с ними, но ее никто не замечал, потому что она отвела всем глаза, – этим мастерством древняя вельва владела в совершенстве, и это было пустяком по сравнению с тем, чему она могла бы научить Забэл.

Голос профессора Вильфранда вернул Хильду и Забэл в наш мир. Он позвонил кому-то по мобильному телефону, коротко переговорил и громко объявил:

– Оле, дружище, прощаюсь ненадолго! Удачи тебе, и посмотри за семейством этого разбойника, там я видел чудесного котенка с голубыми глазами. Такие приносят удачу. Подрастет, заберу с собой и подарю одной храброй молодой женщине, – Артур подмигнул Хильде, и она расцвела улыбкой.

– Йотта, уважаемая фру Свамменхевен, – он близко подошел к Йотте-хромоножке и вполголоса проговорил, обаятельно улыбаясь: – не забывайте о Законе Проникновения, дорогая вельва. Уходящее Зло должно смениться Добром... Чтобы не нарушилось Великое Равновесие. Вас заждалась радость.... И еще – смените свой гардероб. Мне кажется, вам очень пойдут легкомысленные платья светлых тонов. В конце концов, мир Эль-явра не единственный в Мироздании, в некоторых из них куртка из оленьей кожи будет неуместна.

Мое глубочайшее почтение!

Йотта хотела что-то ответить, но он уже отошел от нее. Обнял Хильду и Забэл за плечи и тихо сказал им:

– Внизу, в деревне, вас ждет такси, самолет через два часа. Я успею к вылету. Они поспешили вниз по тропе, а профессор Вильфранд, махнув рукой Оле Мортенлину и Йотте-хромоножке, ушел по неприметной тропинке вверх, в гору. Проходя мимо тайного убежища Берсерка, он поднял голову, встретился с ним глазами и серьезно произнес:

– Ты отвечаешь за порядок и покой в этих местах, старый боец, – и Берсерк понял его...

За большим пнем старого ясеня Артур Вильфранд свистнул негромко, и сразу же из зарослей черники на тропу вышел небольшой лохматый черно-белый пес с висячими ушами и мудрыми карими глазами. Он не спеша, солидно подошел к Артуру и ткнулся мокрым носом в его протянутые ладони.

Артур присел на корточки, обнял пса за шею и так они просидели некоторое время. А потом пошли дальше в гору, человек и собака. Нет, не так... Две родные души, разделенные по воле Того, кто создает души и пишет их индивидуальные сценарии существования. И опять не так... Две части одной многомерной и разделенной Души, которой предписано собирать себя по частям, искать во многих временах и Мирах и заглядывать в глаза других в надежде на соединение.

Глава 18

День, когда упала сосна

На следующий день после ухода гостей из большого и чужого мира, поднялся восточный ветер. Как и предполагал профессор Вильфранд. В мире озера Эль-явр он всегда означал одно – сушь. Зимой с обжигающими морозами, летом – с обжигающим жаром.

В такие дни Йотта не находила себе места. Всё темное и дурное, что было в ее душе, рвалось наружу... Вся ее тоска, воспоминания о Бальдре, невыполнимое желание вернуть счастье и радость – всё было окрашено в цвет уныния, раздражения и злости, угольночерный с серыми вспышками.

Так было и в тот день, когда упала сосна. И столько в Йотте накопилось зла, что она невольно, даже не зная сама, усилила восточный ветер до свирепого урагана. Казалось, проснулись три Великанши в горах Йотунхейма и их древняя разбухшая ярость сейчас поднимет весь хребет в воздух. Как выгнутую спину гигантского Дракона с пронзающими мир шипами.

Этот ураган принес немало неприятностей – в деревне ветер сорвал крыши с курятников и всех кур разнес по соседним лесам. Впрочем, только на радость лесным котам, лисам и троллю Трумпу.

В Санхеттен-фьорде поднялись волны такой высоты и силы, что перевернули два рыбацких судна и разбились старый деревянный причал в порту деревни Тиммерхавн. Дружина

морских спасателей,

которой командовал отважный шкипер Оле Мортенлин, спасла своих собратьев, не позволила им уйти в последнее плавание. И вытащила из-под обломков причала старого Кёнига, козла старушки фру Андерсен. Он решил там переждать ураган. Но этому бородатому дураку объяснили по-мужски, что спасать свою жизнь около неверной воды фьорда – последняя глупость в его рогатой козлиной башке. Впрочем, уже не рогатой – упавшее бревно обломало ему рога почти до основания.

Даже дорога в Осло оказалась под водой.

Много бед натворила Йотта своей несдержанностью в ожесточенном страдании.

Одинокая кривая сосна на скальном выступе позади ее дома со скрежетом сломалась, корни ее оторвались от почвы, и она упала прямо перед крыльцом. Рухнувшее дерево задело крышу и содрало с нее изрядный пласт дерна.

Ярость охватила Йотту. И тоска, которая третий день душила ее и скручивала душу в узлы, прорвалась криком и обжигающими слезами.

Она бросила на пол деревянную ступку с почти готовым порошком от плешивости для капитана Асгера Йенка, отшвырнула мраморный пестик и выскочила на крыльцо.

Разрушения были велики. Заросли высоких мальв с цветами размером с голову крупного лося были погребены под колючими ветвями. Ковер из маргариток покрылся облом-

ками сучьев и слоем ржавых длинных игл.

Сосне этой было лет тысяча, не меньше. Йотта сама взобралась на скалу и посадила проклюнувшееся семечко в маленькую трещинку в граните. Это было после гибели Бальдра.

Тогда она категорически отказалась сопровождать валькирий на очередную битву. Она вдруг почувствовала, что не может больше видеть смерть и сверкающие мечи в руках своих прекрасных сестер. Но она ведь старшая и должна строго присматривать за ними. Чтобы они не теряли разум от крови и стонов умирающих бойцов и не ошибались в выборе – какого воина сопровождать в небесную Валгаллу к Великому Одноглазому Одину, а кого сразу в подземное царство Хель. К тому же исход битвы ей был известен и, если бы Один спросил ее, она бы ему рассказала. Но он предпочел неизвестность, а Высшие запретили Йотте предсказывать будущее, пока ее об этом не попросят.

И вот тогда Йотта Свамменхевен вогнала сосновую иглу себе под ноготь большого пальца правой руки. И он раздулся, как большущая шишка, – меч в руке не удержать. А без меча нечего делать там, где люди убивают друг друга. Даже если ты только следишь за битвой. Ведь Валькирии помогают умереть тем, кто не может сделать этого сам.

Великий Одноглазый Один не любил, когда люди мучились перед смертью. Мучения делают мужчин слабыми. Одину нужны сильные воины. И в Валгаллу Валькирии про-

вожали только самых свирепых и умелых бойцов.

Когда ее палец превратился в большую сосновую шишку, она сказала Одину, что устала помогать воинам уйти из жизни. Еще она сказала, что хочет делать в жизни не то, что делает сейчас. И показала Одину свой распухший палец. А Великий Один только усмехнулся и махнул рукой.

Тогда она объявила, что будет жить около озера Эль-явр и знакомиться с каждым, кто придет к его берегам. А потом будет рассказывать ему три дня и три ночи «о прошлом всех сущих, о древнем, что помнит». И о нем, Одноглазом Одине, и его стране богов – Асгарде, будет рассказывать, и о других Асах и их подвигах.

И Один согласился, ему стало лестно, что о нем снова заговорят в мире людей. У людей-карликов в стране Митгард память короткая, и они всё время норовят забыть старых богов.

Только одно потребовал он, чтобы Йотта Свамменхевен называла себя вэльвой, то есть колдуньей-прорицательницей.

Она согласилась, хотя всё про себя знала. Вовсе она не прорицательница и не колдунья. Она просто знает прошлое и знает людей. И ей даны были Книги, которые, кроме нее, никто не умел читать и понимать.

А главное, она знает, что всё повторяется, и люди не меняются, они так же глупы, слабы и хвастливы, как и девять Миров тому назад. Такими создали их сыны Бора из глины.

А Хеймдаль, рожденный от девяти матерей, дал им души, но забыл про глаза. Так они живут до сих пор, души без глаз, не умеют найти жизненную тропу или увидеть цель. Они даже к Зеркалу Истины добираются на ощупь.

И вот теперь сосна сломана. Ее древняя немощь, последние судороги износившейся долгой жизни. Ствол и три покрытые лишайником ветви в один миг прожили блистательный полет свободы. Свободы от скалы, которая держала корни, а корни взрастили мощный ствол, а он украсил себя тремя красавицами-ветвями. И все они неустанно трудились в своем жизнепрживании. Каждый год обновляли иглы и насыщали зачатками жизни семена.

Жизнь дерева пришла к концу, а упавший ствол расколол на куски большую тыкву – отраду Йотты в пасмурный день и память о прошедшем счастье. Это была не обычная тыква, а почти тыквенный куст, выросший из семечка, которое подарил ей Бальдр в первый день.

...Она увидела его на рассвете, когда вышла на крыльцо, чтобы поздороваться с Солнцем. Был конец зимы, но снег на прошлогодней мертвой траве успел растаять. Травяные малыши упрямыми зелеными ершиками уже выпрыгнули из последних родительских объятий.

Он стоял на опушке леса и улыбался. И куда падал его взгляд, там всё взрывалось молодой листвой и ранними цветами. И оживали пчелы и шмели.

А рядом с ним стояла молодая песочно-серая волчица с

желтыми глазами.

Два его шага до середины лужайки, один шаг Йотты с крыльца – и они не разнимут рук и не отведут глаз друг от друга до самой его нелепой гибели.

И его единственным подарком любимой женщине было тыквенное семечко. Они вместе закопали его справа от крыльца.

Через день вырос небольшой кустик, совсем не похожий на тыквенную рассаду, но потом его ветки выпустили длинные плети. На каждой распустились огромные желтые цветы, а осенью созрели семь раз по семь солнечных кожистых шаров с бороздками. Так повторялось каждый год. Зимой снег укрывал тыквенный куст, а весной он вновь оживал и повторял свой жизненный цикл до следующего снега.

Когда Бальдра не стало, Йотта смотрела на эти чудо-ягоды всё лето и осень. В день первого снега она их срезала и уносила в дом. До весны они служили ей и лекарством для людей, и пищей. Тыква – очень полезное и мудрое растение. Особенно если она посажена самим Богом весны. А Бальдр и был этим Богом, сыном Великого Одина и его жены Фригг. Когда он приходил, оживали леса и реки бурлили талой водой, а люди и карлики находили себе подружек и любимых.

В этом году созрела всего одна тыква, один оранжевый плод. И вот она раздавлена в кашу, и не найти под упавшим стволом ни одного целого семечка. И корни выдраны ураганом из земли и унесены на середину Эль-явра.

Больше никогда не зазеленеет ее память и надежда. И Бальдр никогда не вернется к ней. Ничего не повторяется в жизни, но безысходная и бунтующая надежда Йотты жила в этих солнечных гигантских ягодах.

Жгуче ударили по глазам слёзы, сердце сжалось мышонком, а потом взорвалось. Отчаяние пронзительным криком озерной чайки встревожило озерный мир.

– Эй, ты, Одноглазый Один! Будь ты проклят! Я не просила такой судьбы, ее мне навязали насильно. Завязали узлами мою тоску. А ты устранился из жизни. Там тебе сытно и спокойно – в темноте подземельев Хель! Ты не хочешь вызвать из Дальнего мира своего сына Бальдра, мою любовь и счастье! Какой же ты Повелитель Судеб? Ты жалкий карлик, а не Великий Бог, просто немощный подмастерье у Того, кто создал мир.

Всё уловил и понял чутким сердцем шкипер Оле. Ведь в мире озера Эль-явр люди и животные умеют слышать друг друга издалека. Особенно, если их судьбы связаны не одной жизнью.

Он пришел к ней, когда она рыдала на крыльце, горюя над раздавленной тыквой. Прежде всего он быстро и решительно убрал ветки и куски коры с крыльца, а потом сел рядом с Йоттой. Оле крепко обнял ее за плечи и стал говорить.

Он сказал много слов. Йотта сначала не хотела слушать, пыталась вырваться из крепкого кольца его рук, но ее сила угасла. Слишком много эмоций и потеря энергии в дни ви-

зита чужаков – демонстрация своей мощи, соперничество с Забэл, отчасти зависть, отчасти досада. Раскаяние в своих шалостях с ведьмами-неудачницами. Бездонное отчаяние...

А Оле говорил и говорил, не узнавая себя. Долго он молчал, целых три жизни. А теперь пришло время – они готовы. Он – говорить, она – слушать.

– Йотта, могущественная и слабая моя вёльва, Бальдра давно нет в этом мире. И ты уже не его любишь, а просто жалеешь себя. И стала приносить людям зло, а ведь рождена и предназначена была не для этого. Ты так много знаешь, но у тебя нет учеников. Никого ты не научила, как понимать язык растений, животных, ветров, снов и знаков судьбы. Твои мудрые Книги заперты в старом сундуке, и давно уже никто не интересуется твоими предсказаниями. Мало кто просит твоей помощи не потому, что нет таких людей, а потому, что ты отталкиваешь их своим высокомерием. Зюйд-вест мне в спину и на скалы, если я не прав!

– Нет, Оле, я не высокомерна. Это люди мелки и скучны. Их жалкие беды и просьбы иногда смешны. Но я помогала всем, кто ко мне обращался. Индрикс вернулся к своей неряхе Силджун? И Кэйя уже вертела задом вчера на танцах в Дальней деревне. Я знаю, знаю... И все звери в лесах вокруг Эль-явра здоровы.

– Но ты не знаешь, Йотта, как много тех, кому нужна твоя помощь... А они идут к простым ведьмам, которые болтают чепуху и вредят своим невежеством. Да и для них самих это

плохо. Они думают, что сравнялись в своем мастерстве с тобой, с великой вельвой. И тем самым умножают зло и укорачивают свою жизнь, сами всё чаще приходят к Водопаду. Это так, уж я-то знаю, как много стало прыгальщиц в последние годы... И пусть этот негодяй Берсерк подтвердит мои слова. Триста каракатиц ему на спину и бушпритом по его рваным ушам, но тут он не врет, Йотта!

И еще много слов сказал шкипер Оле Мортенлин, нежно заглядывая в глаза Йотте. Иногда серьезно, иногда насмешливо, прибавляя морские незатейливые ругательства.

А она, успокоенная его горячими руками и ласковым голосом, вдруг вспомнила, как Бальдр отвел ее на самую высокую вершину Йотунхейма. Оттуда они неслись вниз в туче снега до пещеры, где теперь спрятано золото викингов. И даже не смущаясь, рассказала о ночах и днях, которые они проводили там. О том, как она ждала его прихода из Асгарда, он ведь приходил весной и уходил поздней осенью. Не так всё было для нее лучезарно.

Йотта рассказывала просто и грустно, но и мечтательно, вновь переживая прошлую радость.

И Оле терпеливо слушал, только не стал больше заглядывать ей в глаза, а смотрел на озеро или на лес. И руки убрал с ее плеч. Вытащил из кармана свою дощечку и Могакан Горцик. А потом мягко напомнил, что не был Бальдр верен ей одной. Вообще богам вовсе не свойственна верность в любви к одной женщине. Кроме того, у него была жена...

– Да, – сказала Йотта, – но жены должны быть у каждого бога, а я была у него единственной любимой, остальные – это просто женщины из рода карликов. Он с ними забавлялся, а меня любил...

– Проглоти меня стопудовый осьминог, Йотта! А я тебя люблю уже черт знает сколько жизней. И ты знаешь об этом.

Йотта не удивилась, только посмотрела на него с интересом...

А потом рассмеялась и вспомнила губернатора Исландии, который приезжал к ней за прорицанием своей судьбы и подарил бочонок вулканического пепла для ее снадобий. А до него был предводитель флотилии викингов Бесстрашный Гримур. Он пришел к ней за предсказанием перед походом в страну куршей. И оба они хотели взять ее в жены и увезти с собой. Но Йотта была глуха и недосыгаема для простых мужчин – в ее жизни был Бальдр.

Ураган давно умер, восточный ветер уполз за горы Йотунхейма, и влажные тучи пролили теплый дождь. Природа пришла в равновесие.

Наконец они встали рядом на крыльце, и Йотта обняла Оле, прижавшись к нему на секунду. Она была благодарна ему за верность, искренность и понимание. Искра пробежала. А значит, есть надежда, что костер разгорится.

Наверное, так и случилось спустя какое-то время, неважное для нашего рассказа. Бывает ведь и так, что творец сценария вдруг меняет его, а для человека его будущее – всегда

тайна.

Так и Йотта, которая знала о «прошлом, настоящем и будущем девяти Миров», читала судьбу простых людей по их ладоням, выражению глаз и складкам губ, ничего не знала о своем собственном грядущем. Она только видела путь, который ей назначили Высшие. Но иногда она делала незаметный шаг в сторону и уходила по ничтожной тропе. А потом долго блуждала по горькому лесу. Это слабость сильных и древних душ, они живут на границе своих сил. Вмещенные жизни и познанные миры рождают в них усталость. Они сами порой нуждаются в помощи.

И тогда приходит шкипер Оле Мортенлин, седой крепкий моряк с синими глазами и горячими руками. Он сядет рядом, вытащит свой Могакан Гор-цик и вырежет для вас дощечку с орнаментом из виноградин и стрелолоиста.

И если вы услышите от него крепкие морские словечки, просто улыбнитесь. Он не знает будущего, и ему неведом ваш путь, но он надежен на любой тропе, как скала над Санхеттен-фьордом. И мудр, как десять тысяч гигантских осьминогов.

Глава 19

А потом наступил солнечный день

А потом наступил солнечный день, когда Йотта проснулась утром счастливой и сильной. Она искупалась в озере, полила уцелевшие после урагана мальвы и вымела весь дом метлой из веток березы.

Потом открыла старый сундук, вытащила Книги предсказаний и свои записи, которые вела на протяжении тысяч лет, и разложила их на солнце. Чтобы засияли чернила.

Осенняя жизнь леса уже ликовала желтой и оранжевой листвой. Клюква на болоте за Звенящим ручьем давно созрела, и теперь только ленивая Силджун не собирала ее. Остальные деревенские жители не знали усталости, и в лесу стало многолюдно.

Это не нравилось Берсерку, барсук Гревлинг забился в новую нору, а тролль Трумп редко выходил из своего дома на Проклятом болоте. Вернее, редко выезжал. Потому что всё вышло так, как и предсказала Йотта. Трумп вполне оправился после падения со скалы, но ходить пока не мог из-за сломанных ног.

Он попросил Оле Мортенлина сколотить для него тележку и заплатил за работу золотым рогатым шлемом. Украл из пещеры с золотом викингов, когда в последний раз была его смена.

Оле Мортенлин отвез шлем в Национальный исторический музей в Осло, а тролля Трумпа привлекли к уголовной ответственности за кражу национального достояния. Правда, в Уголовном Законе Норвегии не нашлось статьи для наказания троллей. Законы ведь написаны для людей. И его просто прилюдно высекли на главной площади деревни Тиммерхавн ивовыми прутьями. Целую неделю он не мог даже сидеть.

Сердобольная фру Андерсен носила ему сырники и сметану, чтобы не помер с голоду.

Но Берсерк следил за ней и нахально сжирал половину, стоило старушке отдалиться от дома тролля на пару шагов.

В конце концов родственники Трумпа пригнали к нему никчемного внучатого племянника сводной сестры тридцатой жены его двоюродного дяди со стороны второго мужа племянницы его приемной матери. У троллей родство в почете. И этот недомерок, чье имя даже произнести невозможно, позор всего троллего рода, вывозил Трумпа на прогулку.

– Здрасьте, уважаемая госпожа Йотта! – льстивый грубый голос из кучи черной свалявшейся шерсти в тележке, которую рывками толкала другая кучка, поменьше. И четыре выпуклых черных глаза враждебно и подозрительно глянули на Йотту. Она равнодушно посмотрела на них и прошла мимо, едва кивнув головой. Она разыскивала Мика Толстозадого, чтобы тот помог ей в генеральной уборке. Надо было разломать несколько старых вещей.

Когда Мик Толстозадый с воодушевлением и шумом сокрушил старый трухлявый сундук, а потом посудный шкаф, он разгорячился и спросил Йотту, не хочет ли она сменить стены и крышу. К зимовке он подкопил немало сил, так что с радостью сломает еще чтонибудь.

Мик стоял перед ней на задних лапах и смотрел сверху вниз добродушно и просительно. Заплаты на его шкуре заросли новой шерстью, длинной и блестящей.

Йотта рассмеялась и попросила разбросать щепки по лесу, пусть гниют и удобряют землю. Вручила Мику бочонок меда, который ее пчелы всё лето собирали с сон-травы, и распрощалась с ним.

Глядя, как медведь бежит к лесу на трех лапах, смешно вскидывая свой обширный зад, она мысленно приказала Берсерку не отвлекаться от тренировки своих котят и не мешать Мику благополучно пройти по его территории. Уловила гневный протест лохматого диссидента – а как же иначе, – повторила приказ и послала вдогонку Мику рукотворную руну Удачи.

Не нужно большого зеркала в доме, когда в нем играет радость. Йотта выбрала для сегодняшнего дня длинную юбку из летящего зеленого шелка и белую блузку с расшитыми рукавами и воротом. В узоре зеленые мелкие листья березы были причудливо перевиты оранжевыми рунами Радости и Уверенности.

Волосы она вымыла водой из озера Эль-явр с настойкой из сосновой коры, и они мерцали цветом молочного шоколада. Она заплела две толстые косы и уложила их на затылке, скрепив листьями стрелолиста.

Пока Йотта занималась прической, колокольчики на ее браслетах вызвонили новую мелодию, и стая молодых зябликов расселась на перилах крыльца.

Последнее магическое действие – капля настойки травы Фригг на шею и по капле на запястья.

Серебряный перстень с руной Могущества и Силы на указательный палец правой руки. Сумку из светлой оленьей кожи через плечо.

Вот так фру Йотта Свамменхевен, древняя прорицательница и Великая вёлва, прожившая на свете много тысяч лет, обозначила свой грядущий день. Как обычная земная женщина, довольная собой, и потому защищенная от любого зла – человеческого или небесного. В любом из миров.

Она вышла на крыльцо, дошла до опушки леса и оглянулась на чистые окна. Вздохнула глубоко, на секунду вспомнила тот страшный ураган и отправилась в деревню Тиммерхавн. Ей хотелось побыстрее заказать Оле Мортенлину, мастеру на все руки, новый сундук для ее Книг и рукописей и новый шкаф для трав, настоек и порошков. И конечно, посудный шкаф.

Дом старушки фру Андерсен стоял выше всех, сразу за Большим камнем на краю деревни.

Когда Йотта подошла к невысокой изгороди из гранитных валунов, фру Андерсен выходила из дома. В ее руках был тот самый кофейник, который она никому не разрешала чистить уже лет сто, не меньше.

– Как мыши? Не беспокоят, уважаемая фру Андерсен?

Старушка поджала губы и с вежливым достоинством ответила, что внуки ей привезли из Осло чудо-порошок, который действительно, она голосом подчеркнула это слово, убивает надоедливых воришек и вредителей.

– А если вы не будете воевать с ними и убивать, а просто запретите приходить в ваш дом?

– Как я могу это сделать? Я же не ведьма... – фру Андерсен с осторожным вызовом посмотрела на Йотту.

Йотта улыбнулась, вынула из сумки небольшой полотняный мешочек и протянула его старушке.

– Это листья наоборот-горошка. Разложите их в доме и вдоль изгороди. Мыши не любят этот запах и будут обходить ваш двор за десять тысяч мышиных шагов. Они глупые и не понимают, что должны жить в лесу. Но убивать их не надо этим страшным ядом. Пожалуйста...

Фру Андерсен от изумления выронила кофейник, и он упал в таз с разведенным навозом для огорода. Она всплеснула руками, сделала шаг навстречу Йотте и осторожно взяла мешочек с листьями.

Кофейнику тоже повезло. Впервые за столетие его вычистили до блеска.

Дурищу Силджун Йотта встретила около деревенского магазина. Вёльва поздоровалась и спросила, как поживают они с Индриксом, бегают ли он на Проклятое болото к своей Кэйе. Силджун открыла рот, состроила плаксивую гримасу и громко зашептала, обдавая Йотту запахом квашеной капусты и жареной рыбы:

– Ох, миленькая вёльва, да никуда он не бегают. В лес за клюквой и грибами с трудом гоню. А и со мной не спит, подлец, как ушел тогда ночевать в баню, так там и живет.

Узкие черные глазки Силджун занавесила влага, бесформенные губы искривились в беззвучном плаче. Выцветшее платье с черными кругами подмышек задралось спереди, обозначая всё непривлекательное изобилие ее телес.

Йотта отошла на шаг от пахучей Силджун, немного подумала и неожиданно предложила как-нибудь вечером прийти к ней в гости, в ее дом на другом берегу озера Эль-явр. Они вместе попарятся в бане, а после бани Йотта заварит специально для нее целебный чай. И если Силджун захочет, Йотта откроет ей маленькие женские тайны, которые не надо знать мужчинам. Потому что они, как дети, любят всё новое и необычное. И женщины это понимают и много чего напридумали, чтобы их мужчинам было интересно с ними. Надо только немного научиться...

Силджун открыла рот, ее слезы высохли, а хитрые глазки выдали простенькую мысль о выгоде. Она прижала руки к груди и выдохнула:

– А настойку травы Фригг ты мне дашь? Йотта усмехнулась и насмешливо посмотрела на нее.

–

Конечно, Силджун, получишь и настойку травы Фригг. После того, как сделаешь всё, о чем я тебе расскажу и что покажу.

– А сколько ты с меня возьмешь? – скупая и подозрительная Силджун исподлобья смотрела на Йотту. – У меня нет денег, чтобы платить тебе полную цену. Ты же много запро-

сишь...

– Ты заплатишь мне клюквой. Грибы для меня дети Хоппера уже собрали и теперь сушат на соснах. А для клюквы готовы три новых ясеневых бочки. Вот ты их и заполнишь. И еще пообещаешь выбросить это платье и сшить себе новое. Согласна?

– Да, миленькая фру Свамменхевен. А когда можно прийти?

– Когда молодая Луна начнет свой новый цикл. Это будет завтра, Силджи.

Йотта легким шагом обошла громоздкую Силджун и отправилась дальше. Зеленый шелк взлетел от случайного ветра и ласково обнял тело, а колокольчики на браслетах отозвались веселым смехом.

На крыльцо дома смотрителя озера Эль-явр, шкипера и бывшего губернатора Исландии Оле Мортенлина, сына Бьорна Магнуса Таденлика, Йотта поднялась, приподняв подол длинной шелковой юбки.

Она вошла без стука, сияя улыбкой. Небрежно бросила сумку на скамью и спокойно села в деревянное кресло с резной спинкой и подлокотниками.

Синяя молния из глаз, порывистое движение навстречу, и внезапная остановка – Оле не стал торопить судьбу. Он сначала подошел к столу, пододвинул Йотте плоскую корзинку с голубикой и сел напротив. Потом встал и отошел к окну.

Недолго посмотрел на небо, повернулся к Йотте и спро-

сил, удалось ли ей разломать старый сундук. Давно пора это сделать.

– Конечно, Оле. Этот Мик отъелся к зиме и за секунду превратил сундук в грудку щепок. Ему так понравилось, что я отдала еще и посудный шкаф. Теперь мне надо всё новое. Ты поможешь, Оле? Я хочу, чтобы именно ты сделал новый сундук для хранения моих Книг предсказаний и записей.

– Йотта, ты же знаешь... Я готов немедленно начать работу. У меня давно приготовлены специальные ясеневые доски. Я их так согнул, чтобы сундук был пузатый и солидный. Я давно ждал, Йотта, этой минуты. Тысяча осьминогов и триста зубастых акул пусть нападут на меня, если я не сделаю для тебя самый красивый сундук в мире!

– Спасибо, шкипер Оле. Я хочу, чтобы ты украсил его узорами, как на твоей дощечке. Виноградины в орнаменте из листьев и солнышки-свастики правого и левого поворотов. Ты ведь знаешь, что это символы гармонии и единства сил созидания и разрушения. А мои книги именно об этом. И пусть виноградины будут как настоящие, шелковистые и тугие.

– Всё будет так, как ты хочешь, дорогая моя вельва...

– А еще я хочу новый посудный шкаф. И тоже с резьбой. Сделаешь? В конце концов, чтобы получить такой почетный и сложный заказ, стоило прожить три жизни, Оле Мортенлин, сын Бьорна Магнуса Таденлика?

Оле присел перед Йоттой на низенькую скамейку, взял ее

руки и поцеловал пальцы. Она улыбнулась задумчиво и тихо сказала, прикоснувшись ладонью к загорелой щеке шкипера:

– А ты знаешь, морской лодырь, я никогда не видела, как растет виноград. И клянусь разорванными ушами наглеца Берсерка – я не знаю запаха и вкуса спелых виноградин.

Что именно ответил Оле Мортенлин, какие слова он сказал, неизвестно.

Зато известно, что через три дня он купил два билета на самолет в виноградную страну на юге. Туда, где находится мир огня и оранжевых гор, страна Муспельхейм, в которой жарко даже зимой, когда в мире озера Эль-явр лежит снег, Мик Толстозадый и барсук Гревлинг спят в своих зимних домах, а боевой кот Берсерк по пятницам приходит в дом к старушке фру Андерсен поесть сырников со сметаной.

Еще известно, что профессор Артур Вильфранд сообщил Оле Мортенлину о получении допуска для прохода через зону Фронтира. Допуск на двоих и будет действителен в течение двух недель с момента перехода.

Эпилог

Один мой знакомый журналист, живущий в наших прохладных краях, сказал, что не верит в эту историю, и я просто всё выдумала.

Другой знакомый, политолог и аналитик, который работает одновременно в трёх мировых информационных агентствах, прочитал и желчно заметил, что я не следовала канонам мистицизма и сведущие в эзотерике люди мне не пове-

рят.

Третий знакомый, простой армянский волшебник из Еревана, достал из кармана волшебную палочку, заварил поллитра крепчайшего чая и сотворил себе допуск в зону Фронттира на берега озера Эль-явр. А что, волшебники тоже любопытны и им необходимо расширять собственный кругозор. Вернулся он через три часа или через три месяца и сказал только три слова:

– Это надо опубликовать!

А соседка Аллочка, замученная пятью беспутными детьми и мужем-алкоголиком, читала и оплакивала свою несчастную судьбу. Через день она принесла мне пирог с капустой, банку брусничного варенья и попросила написать только для нее «что-нибудь волшебное», и чтобы там была ее, Аллочкина, счастливая и сумасшедшая любовь.

Она даже пообещала, что будет целый месяц по средам и субботам убирать мою квартиру и каждое воскресенье ходить на базар, чтобы я могла спокойно сидеть за своим компьютером и писать для нее сказку. Она даже порывалась наскоро изложить сюжет, но мне надо было уходить на работу, и я ее аккуратно выпроводила.

Вот так по-разному относятся люди к этой предельно правдивой истории. Я ничего не придумала, все герои живы и здоровы, я с ними иногда встречаюсь.

...Хильда вернулась домой, переполненная впечатлениями, и заметно повзрослела. Она узнала многое о людях, зна-

чит, и о себе. С паном Марекком они встречаются как давнишние друзья и иногда вместе ходят на выставки собак и кошек.

...Забэл теперь знает силу своих рук и сама лечит своего сына. Он умный и красивый парень. И у него всё в жизни получается отлично.

...Профессор Артур Вильфранд продолжает читать лекции в Университете. Он не женился и никто не знает, есть ли у него любовница. Эта неизвестность очень нервирует университетских дам.

Недавно он подарил Хильде чудесного котенка с голубыми глазами. Вытащил из-за пазухи перед началом своей лекции и велел быстренько отнести его домой. В итоге Хильда пропустила в тот день все лекции в Университете, но вечером профессор Вильфранд восполнил этот пробел в ее знаниях. Они вместе гуляли в парке – Хильда с котенком на руках, а профессор – с чернобелым лохматым псом со странной кличкой – сэр Арчибальд.

...Оле Мортенлин, сын Бьорна Магнуса Таденлика, принципиально не хочет использовать электронную почту и пишет мне на кусочках старой парусины. Пишет по-норвежски, а моя приятельница переводит. Она живет в Норвегии и знакома с жителями деревни Тиммерхавн.

Оле сообщает о том, что нового на берегах озера Эль-явр, сколько у боевого кота Берсерка появилось новых подруг и котят, какие ведьмы приходят к Водопаду Перерождений.

По его словам получается, что все они простые женщины, а ведьмами стали после того, как потеряли свою любовь. Кто как – по собственной глупости или по чужой воле. Что тоже не редкость.

...У фру Йотты Свамменхевен теперь новый пузатый сундук для ее Книг и рукописей и резной посудный шкаф. Вот только кровати пока новой нет. Недавно Оле Мортенлин поставил ей новую печь, она выложена керамическими изразцами с выпуклыми виноградными кистями и цветами яблоки.

...Жизнь продолжается во всех Мирах. Но если вы будете искать озеро Эль-явр с помощью спутниковых карт Гугла – не найдете. Или все же найдете. Но не там, где между хребтом Йотунхейм и Атлантическим океаном живут строгий смотритель озерного округа и обычная вельва. Ваше озеро может находиться в любом месте планеты. Вот такие они, берега озера Эль-явр в зоне Фронтيرا...

...И, если захотите попасть в зону Фронтيرا, где встречаются и пересекаются параллельные миры, – отправляйтесь сначала в Мир своей собственной души. Там начало всех дорог и дорожные указатели.